

Это триумф!
Внутренняя сила
романа держит
читателя в напряжении
до самого конца.

Richmond Times Dispatch

НОВОЕ
СЕРДЦЕ
РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Новое сердце

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пиколт Д.

Новое сердце / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2008

ISBN 978-5-389-18192-2

Счастливая жизнь Джун Нилон закончилась, когда были убиты ее любимые муж и дочь. И только рождение Клэр заставляет Джун вглядываться в будущее. Теперь ее жизнь состоит из ожидания: ожидания того часа, когда она залечит свои душевные раны, ожидания справедливости, ожидания чуда. Для Шэя Борна жизнь не готовит больше никаких сюрпризов. Мир ничего ему не дал, и ему самому нечего предложить миру. Но он обретает последний шанс на спасение, и это связано с Клэр, одиннадцатилетней дочерью Джун. Однако Шэя и Клэр разделяет море горьких сожалений, прошлые преступления и гнев матери, потерявшей ребенка. Отец Майкл – человек, прошлые поступки которого заставляют его посвятить оставшуюся жизнь Богу. Но, встретившись лицом к лицу с Шэем, он вынужден подвергнуть сомнению все то, что знает о религии, все свои представления о добре и зле, о прощении. И о себе. В книге «Новое сердце» Джоди Пиколт вновь очаровывает и покоряет читателей захватывающей историей об искуплении вины, справедливости и любви. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18192-2

© Пиколт Д., 2008

© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Пролог	6
Джун	6
Семь месяцев спустя	8
Майкл	8
Джун	12
Майкл	13
Одиннадцать лет спустя	18
Люций	18
Майкл	22
Люций	24
Мэгги	33
Люций	37
Джун	40
Люций	45
Майкл	47
Джун	49
Люций	50
Мэгги	56
Майкл	62
Люций	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джоди Пиколт

Новое сердце

*Пусть эти страницы вместят в себя мою любовь и мое
безграничное восхищение*

*Моему деду Хэлу Френду, у которого всегда хватало смелости
интересоваться нашей верой...*

И моей бабушке Бесс Френд, не перестававшей верить в меня

© И. В. Иванченко, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство АЗБУКА®

Алиса рассмеялась.

– Это не поможет! – сказала она. – Нельзя поверить в невозможное!

– Просто у тебя мало опыта, – заметила Королева. – В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Пролог 1996 год

Джун

Поначалу я поверила во второй шанс. Иначе как еще объяснить тот факт, что после аварии, когда дым рассеялся и автомобиль, перестав кувыркаться, приземлился вверх колесами в канаву, я выжила и услышала плач моей крошки Элизабет? Полицейский вытащил нас из машины и отвез в больницу, где мне наложили гипсовую повязку на сломанную ногу, а Элизабет – совершенно невредимая, о чудо! – все время сидела у него на коленях. Он держал меня за руку на процедуре опознания тела моего мужа Джека. Полицейский присутствовал на похоронах. Он наведлся ко мне домой, чтобы лично сообщить об аресте пьяного водителя, столкнувшего нас с дороги.

Полицейского звали Курт Нилон. Он долго еще продолжал навещать меня после суда и вынесения приговора, чтобы удостовериться, что у нас с Элизабет все хорошо. Он приносил игрушки на ее день рождения и Рождество. Прочищал засорившиеся трубы в ванной на втором этаже. После дежурства приезжал стричь траву в саванне, возникшей на месте нашей лужайки.

Джек был любовью всей моей жизни, и, выходя замуж, я собиралась остаться с ним навсегда. Но это было до того, как какой-то мужик с уровнем алкоголя в крови 0,22 промилле разрушил это «навсегда». Меня тогда удивило, что Курт понимал: можно и не полюбить так же сильно, как в первый раз, – но еще больше удивило, когда оказалось, что полюбить все-таки можно.

Через пять лет я, узнав, что у нас с Куртом будет ребенок, почти пожалела об этом. Чувство было сродни тому, как, стоя в прекрасный летний день под необъятными голубыми небесами, предвидишь, что никакое возможное будущее уже не сравнится с этим моментом. Когда умер Джек, Элизабет было два года, и она считала Курта своим отцом. У них сложились особенные отношения, и подчас я ощущала себя третьей лишней, как если бы Элизабет была принцессой, а Курт – ее рыцарем.

С приближением появления маленькой сестренки (странно, но все мы представляли себе только девочку) у Курта и Элизабет развилось состояние крайнего возбуждения. Элизабет рисовала подробные эскизы детской комнаты. Курт нанял подрядчика для сооружения пристройки. Но потом у матери строителя случился удар, и ему пришлось неожиданно переехать во Флориду. Ни одна другая бригада не успевала выполнить наш заказ до рождения ребенка. В стене дома зияла дыра, потолок чердака протекал, на подошвах обуви росла плесень.

Как-то раз, на седьмом месяце беременности, я спустилась в гостиную и увидела, что Элизабет играет в ворохе листьев, занесенных в комнату из-под пластиковой завесы. Мое смятение – то ли разреветься, то ли убрать листья с ковра – прервал звонок в дверь.

Стоявший на пороге незнакомец держал в руках холщовую сумку с инструментами – она всегда была при нем, как у некоторых всегда с собой бумажник. Его спутанные волосы падали на плечи. От замызганной одежды веяло снегом, хотя для этого еще не настала пора. Шэй Борн возник неожиданно, как рекламная листовка с летнего карнавала, подхваченная зимним ветром, что вызывает лишь недоумение, где она таилась все это время.

Заговорил он сумбурно, сбиваясь с мысли. Ему даже пришлось замолчать, чтобы подобрать нужные слова и сказать то, что собирался.

– Я хочу... – начал он, но смутился и попытался снова: – У вас... есть здесь, потому что... – От напряжения у него на лбу выступили мелкие капельки пота, наконец он произнес: – Есть тут у вас какая-нибудь работа?

В этот момент ко мне подбежала Элизабет, и я стала закрывать дверь, инстинктивно защищая дочь.

Уходи, подумала я, а вслух выпалила:

– Пожалуй, нет...

Элизабет взяла меня за руку и, подняв взгляд на мужчину, заявила:

– Много всего надо починить.

Присев на корточки, он свободно заговорил с моей дочерью. Слова, минуту назад дававшиеся ему с большим трудом, теперь лились потоком.

– Я могу вам помочь, – заверил он.

Курт всегда предостерегал меня, что люди на самом деле не такие, какими кажутся, что, прежде чем давать обещания, необходимо выяснить все данные о человеке. На это я обычно отвечала, что он чересчур подозрителен, что он коп до мозга костей. В конце концов, самого Курта я впустила в свою жизнь просто потому, что у него добрые глаза и щедрое сердце, – и даже он сам не оспаривал результат.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Шэй. Шэй Борн.

– Вы наняты, мистер Борн, – сказала я, и это стало началом конца.

Семь месяцев спустя

Майкл

Шэй Борн совершенно не походил на человека, которого я ожидал увидеть.

Я полагал, что встречу неуклюжего верзилу с мясистыми кулаками, короткой шеей и глазами-щелочками. Это же было преступление века – двойное убийство, приковавшее к себе внимание обывателей от Нашуа до деревушки Диксвилл-Нотч; преступление еще более ужасное из-за его жертв: маленькой девочки и полицейского, ее отчима. Оно заставляло задуматься: а безопасно ли находиться в собственном доме, не нападут ли на тебя в любой момент те, кому ты доверял? Вероятно, по этой причине прокуроры Нью-Гэмпшира впервые за пятьдесят восемь лет добивались вынесения смертного приговора.

Поскольку СМИ проводили массированную кампанию, то поговаривали даже, что вряд ли найдутся двенадцать присяжных, не успевших составить мнение об этом преступлении, но суду удалось разыскать нас. Меня раскопали в читальном зале Университета Нью-Гэмпшира, где я писал дипломную работу с отличием по математике. Я месяц жил впроголодь и не следил за новостями, так что оказался идеальным кандидатом для дела Шэя Борна, совершившего тяжкое убийство.

В первый раз, когда мы вышли гуськом из «загона» для присяжных – комнатухи в здании главного суда первой инстанции, которая вскоре стала нам чем-то вроде родного дома, – я подумал, что судебный пристав по ошибке привел нас не в тот зал. Обвиняемый был невысок ростом и имел хрупкое телосложение. Таких парней обычно донимают шутками в старших классах. На нем был твидовый пиджак, в котором он совершенно утонул, а узел галстука оттопыривался от шеи под прямым углом, словно под действием магнита. Руки в наручниках свернулись на коленях наподобие маленьких зверьков, голова была выбрита почти наголо. Он устался на свои ноги и не поднял взгляд, даже когда судья произнес его имя, прошелестевшее, как пар из радиатора.

Пока адвокаты готовились к заседанию, в зал влетела муха. Я заметил ее по двум причинам: в марте в Нью-Гэмпшире мухи – редкость, и еще я подумал, как же прихлопнуть ее в наручниках и с цепью на поясе. Увидев перед собой насекомое, застывшее на странице желтого блокнота, Шэй Борн поднял руки и с металлическим звоном шмякнул ими по столу. Потом один за другим веером раскрыл пальцы, и муха взмыла вверх, намереваясь докучать кому-то другому.

Он перевел взгляд на меня, и я понял два факта:

1. Он напуган.
2. Он примерно одного со мной возраста.

Этот убийца-монстр напомнил мне капитана команды по водному поло, с кем в прошлом семестре я сидел рядом на семинарах по экономике. Он напомнил мне также курьера из ресторана, где выпекали пиццу с тонкой корочкой, какую я обожаю. Он даже напомнил мне недавнего прохожего, которого я увидел из машины по дороге в суд. Валил снег, и поэтому я, опустив стекло, предложил парню подвезти его. Иначе говоря, в облике осужденного не было ничего от убийцы. На его месте мог быть любой двадцатилетний юноша. На его месте мог быть я.

Разница состояла в том, что он сидел в десяти футах от меня с закованными в железо запястьями и лодыжками, а в мою задачу входило решить, заслуживает он жизни или нет.

Месяц спустя я мог бы сказать, что работа в коллегии присяжных совершенно не похожа на то, что показывают по телевизору. Мы без конца шествовали гуськом из совещательной

комнаты в зал суда и обратно; ели на ланч какую-то дрянь из местного гастронома. Некоторые адвокаты упивались собственными речами, и, поверьте мне, ни один из окружных прокуроров не выступал с такой горячностью, как та девушка из сериала «Закон и порядок. Специальный корпус». Даже четыре недели спустя войти в зал суда для меня было все равно что приехать в чужую страну без путеводителя... хотя и не годилось оправдывать свое невежество тем, что я турист. От меня ждали беглого общения на иностранном языке.

Первая часть процесса завершилась: мы осудили Борна. Сторона обвинения предоставила гору улик, доказывающих, что Курт Нилон был застрелен при исполнении служебных обязанностей, когда пытался арестовать Шэя Борна, которого застал со своей падчерицей, причем в кармане последнего лежали трусики девочки. Джун Нилон, вернувшись домой после посещения гинеколога, обнаружила трупы мужа и дочери. Невнятные аргументы, предложенные защитой, – что Курт неправильно понял косноязычного Борна, что пистолет выстрелил случайно, – не шли ни в какое сравнение с бесспорными уликами обвинения. Более того, Борн ни разу не выступил в свою защиту, что могло объясняться его неумением владеть речью... или тем, что он, будучи виновен во всех грехах, был темной лошадкой и ему не доверяли собственные адвокаты.

Мы уже почти закончили со второй частью судебного процесса – стадией вынесения приговора, – то есть с тем, что отличало данное разбирательство от любого другого дела об убийстве в Нью-Гэмпшире за последние полвека. Теперь, когда было доказано, что Борн совершил преступление, нам предстояло решить, заслуживает ли он смертной казни.

Эта часть чем-то напоминала сжатый, как в «Ридерз дайджесте», вариант первой части. Сторона обвинения подвела итог свидетельским показаниям, представленным в ходе уголовного процесса, а затем защита получила возможность попытаться вызвать сочувствие к убийце. Мы узнали, что Борна воспитали приемные родители, а когда ему было шестнадцать, он поджег их дом, за что провел два года под стражей в исправительном учреждении для несовершеннолетних правонарушителей. У него был маниакально-депрессивный психоз, который никогда не лечили, центральное нарушение обработки слуховой информации, он не выносил сенсорные перегрузки, испытывал сложности с чтением, письмом и речевыми навыками. Правда, все это мы уже слышали от свидетелей. И опять Шэй Борн ни разу не предстал перед судом, чтобы попросить о снисхождении.

По завершении прений сторон я заметил, как прокурор поправил полосатый галстук, прежде чем выйти вперед. Огромное различие между обычным процессом и этапом вынесения приговора с высшей мерой наказания состоит в том, кому предоставляется заключительное слово. Сам я этого не знал, но Морин, очень симпатичная пожилая присяжная – мне бы такую бабушку! – не пропустила ни одной серии «Закона и порядка» и в результате заработала себе место в управлении юстиции. В большинстве судебных процессов сторона обвинения выступала последней, и все только что сказанное жужжало у тебя в голове, когда ты шел совещаться в комнату присяжных. Однако на этапе вынесения смертного приговора сначала выступало обвинение, а потом защита использовала последний шанс изменить свое мнение.

Речь ведь действительно шла о жизни и смерти.

Прокурор остановился перед скамьей присяжных и обратился к нам:

– В истории штата Нью-Гэмпшир минуло пятьдесят восемь лет, с тех пор как юристу моего ведомства пришлось просить присяжных вынести столь же сложное и серьезное решение, как то, что предстоит принять вам, двенадцати гражданам. Это решение никому из нас не дается легко и выносится на основе установленных фактов по делу. Это решение призвано воздать должное памяти Курта Нилона и Элизабет Нилон, которых лишили жизни так трагично и подло.

Он взял в руки огромную фотографию и поднял ее как раз передо мной. Элизабет была одной из тех девочек, которые словно созданы из чего-то более воздушного, чем плоть, с бар-

хатистой кожей и белокурыми локонами; из тех, что могли бы парить в воздухе, если бы не кроссовки на ногах. Но снимок был сделан уже после того, как ее застрелили. Забрызганные кровью лицо и волосы, широко открытые глаза. Под платьем, задравшимся при падении, – нагое тело.

– Элизабет Нилон никогда не научится делить столбиком, или скакать верхом, или выполнять переворот назад. Она никогда не поедет в лагерь с ночевкой, не пойдет на бал учащихся предпоследнего класса или выпускной вечер. Она никогда не примерит первую пару туфель на высоком каблуке, у нее никогда не будет первого поцелуя. Она никогда не пригласит домой парня знакомиться с матерью, никогда отчим не поведет ее под венец, она никогда не узнает свою сестру Клэр. Она пропустит все эти моменты и тысячу других – не из-за такой трагедии, как автомобильная авария или детская лейкемия, – а потому, что Шэй Борн решил, что она не заслуживает ничего из этого.

Прокурор достал еще одну фотографию и показал нам. Курт Нилон был убит выстрелом в живот. Голубая форменная рубашка пропиталась его багровой кровью и кровью Элизабет. Во время судебного процесса нам рассказывали, что, когда к нему подошли парамедики «скорой помощи», он не хотел выпускать девочку из рук, хотя сам истекал кровью.

– Шэю Борну мало было отнять жизнь у Элизабет. Он лишил жизни и Курта Нилона. И он не просто забрал отца Клэр и мужа Джун – он забрал офицера Нилона, служившего в полиции Линли. Он забрал тренера команды Малой лиги округа Графтон. Он забрал учредителя Дня безопасного велосипеда в начальной школе Линли. Шэй Борн забрал государственного служащего, который в момент смерти защищал не только свою дочь, но и каждого гражданина и общество в целом. Общество, которое состоит из отдельных личностей – из всех нас. – Прокурор положил фотографии на стол изображением вниз. – Есть причина, дамы и господа, по которой в Нью-Гэмпшире пятьдесят восемь лет не применялась смертная казнь. Это потому, что из множества дел, рассмотренных ранее, ни одно не соответствовало такому приговору. Однако существует причина, почему добропорядочные граждане нашего штата оставили возможность смертной казни, вместо того чтобы отменить ее, как сделали многие другие штаты. И эта причина сегодня сидит в зале суда.

Мой взгляд проследовал за прокурорским и остановился на Шэе Борне.

– Если за последние пятьдесят восемь лет по какому-то делу и могло быть назначено исключительное наказание, – заключил прокурор, – так это именно оно.

В колледже ты словно под огромным колпаком. Поступаешь туда на четыре года, забывая, что, помимо курсовых работ, промежуточных экзаменов и чемпионатов по бирпонгу, существует реальный внешний мир. Газет ты не читаешь – читаешь учебники. Новости не смотришь – смотришь шоу Леттермана. Но тем не менее до тебя доносятся отголоски внешнего мира: мать, запершая детей в машине и пустившая ее под откос в озеро, чтобы они утонули; разлюбленный муж, застреливший жену на глазах у детей; серийный насильник, месяц продержавший девочку-подростка привязанной в подвале, а затем перерезавший ей горло. Убийство Курта и Элизабет Нилон было ужасным, это верно, но разве другие были менее ужасны?

Поднялся адвокат:

– Вы признали моего клиента Шэя Борна виновным по двум пунктам тяжкого убийства, и он этого не оспаривает. Мы принимаем ваш вердикт, мы уважаем ваш вердикт. Однако в данный момент штат просит вас завершить это дело – о смерти двух человек – смертью третьего...

Я почувствовал, как между лопатками потек пот.

– ...Убив Шэя Борна, вы не сделаете ничью жизнь более безопасной. Но если вы решите не казнить его, он никуда не денется. Он будет отбывать два пожизненных срока без права на условно-досрочное освобождение. – Адвокат положил руку на плечо подсудимого. – Вы слышали рассказ о детстве Шэя Борна. Откуда ему было знать, что люди берут пример со своих

близких? Как он мог научиться отличать правду от неправды, хорошее от плохого? Если уж на то пошло, где он мог узнать цвета и числа? Кто должен был читать ему сказки на ночь, как делали это родители Элизабет Нилон? – Адвокат подошел к нам. – Вы слышали, что Шэй Борн страдает маниакально-депрессивным психозом и его не лечили. Вы слышали, что у него нарушена обучаемость, поэтому простые для нас задачи представляют для него невероятную сложность. Вы видели, как трудно ему выразить свои мысли. Все это привело к тому, что Шэй сделал неправильный выбор – с чем вы, без сомнения, согласны. – Он по очереди взглянул на каждого из нас. – Шэй Борн сделал плохой выбор, – повторил адвокат, – но не усугубляйте этого своим неверным выбором.

Джун

Все зависело от присяжных. Опять.

Странная идея – отдать правосудие в руки двенадцати чужих человек. Во время вынесения приговора я наблюдала за их лицами. Там были матери – я ловила их взгляды и улыбалась, когда могла. Несколько мужчин по виду напоминали бывших военных. Был среди них и молодой парень, возможно еще не брившийся, – где уж ему принять правильное решение!

Мне хотелось посидеть рядом с каждым из них. Хотелось показать записку, оставленную Куртом после нашего первого официального свидания. Хотелось дать им прикоснуться к мягкому чепчику, в котором новорожденную Элизабет привезли домой из больницы. Хотелось, чтобы они прослушали автоответчик, – я никак не могла стереть эти записи с дорогими мне голосами, хотя всякий раз при их воспроизведении чувствовала, что с меня живьем сдирают кожу. Хотелось привести их в спальню Элизабет, где висели ночник с феей Динь-Динь и нарядные детские платья. Хотелось, чтобы они зарылись лицом в подушку Курта, вдохнули его запах. И я бы очень хотела, чтобы они пожили моей жизнью, потому что только тогда они бы поняли, что я потеряла.

В тот вечер, вернувшись домой после заключительного слова в суде, я, убаюкав Клэр, сама заснула с ней на руках. Мне приснилось, что она плачет наверху, вдали от меня. Я поднялась по лестнице в детскую, хранившую запах свежего дерева и подсыхающей краски, и открыла дверь. «Иду», – сказала я и, переступив порог, поняла, что эта комната так и не была закончена, что ребенка нет и я падаю в пустоту.

Майкл

Далеко не каждый может оказаться в составе суда присяжных. Матери с маленькими детьми, бухгалтеры с их срочными отчетами, доктора наук, уезжающие на конференции, и подобные им люди исключаются. Остаются пенсионеры, домохозяйки, инвалиды и студенты вроде меня, потому что никто из нас не привязан к определенному месту и времени.

Старшина присяжных, пожилой мужчина Тед, напоминал мне моего деда. Не внешне-стью и не манерой говорить, а своим даром заставлять нас выполнять задачи. Мой дед был таким же. Рядом с ним хотелось показать себя с лучшей стороны, и не потому, что он этого требовал, а потому, что ничто не могло сравниться с его одобрительной улыбкой.

Именно из-за деда меня выбрали в присяжные. Пусть мой личный опыт не содержал и намека на убийство, однако я знал, каково это – потерять любимого человека. Нельзя отмахнуться от горя, ты детально проживаешь его – и я просто понимал чувства Джун Нилон больше, чем она могла себе представить. Этой зимой, четыре года спустя после смерти деда, кто-то влез ко мне в комнату и украл компьютер, велосипед и единственную фотографию, на которой нас с дедом сняли вместе. Вор почему-то забыл серебряную рамку. Я заявил о краже в полицию, но больше всего мне было обидно из-за этой фотографии.

Тед подождал, когда Морин подкрасит губы, Джек сходит в туалет, в общем, каждый закончит свои дела, а потом мы принялись за совместную работу.

– Что ж, – начал он, положив перед собой руки на стол, – пора приступать к делу.

Однако, знаете ли, гораздо проще заявить, что человек заслуживает смерти за содеянное, чем взять на себя ответственность за осуществление этого.

– Скажу прямо, – вздохнула Вай, – я понятия не имею, чего от нас хочет судья.

Перед дачей свидетельских показаний судья почти час устно инструктировал нас. Я думал, нам раздадут листовки с тезисами, но ошибся.

– Могу объяснить, – сказал я. – Это похоже на меню в китайском ресторане. Существует целый перечень признаков, по которым за преступление может быть назначена смертная казнь. В целом нам надо найти один признак из столбца А и один или больше признаков из столбца В, чтобы каждое убийство подпадало под смертный приговор. Если мы отметим один признак из графы А, но ни одного из графы В, тогда суд автоматически приговаривает виновного к пожизненному сроку без условно-досрочного освобождения.

– Но я не понимаю, что находится в графе А или В, – сказала Морин.

– Мне никогда не нравилась китайская еда, – добавил Марк.

Я встал перед лекционной доской и, взяв в руки легкостираемый маркер, написал:

ГРАФА А – НАМЕРЕНИЕ.

– Первое, что мы должны установить: намеревался ли Борн убить своих жертв. – Я повернулся к присяжным. – Полагаю, мы в основном ответили на этот вопрос, приговорив его за убийство. А вот «ГРАФА В» – задачка посложнее. В этом списке целый набор факторов.

Я принялся читать и переносить на доску свои сумбурные записи, сделанные в ходе инструктажа судьи.

Обвиняемый прежде был один раз осужден за убийство.

Обвиняемый был осужден за одно или более различных правонарушений, за которые отбыл срок более года, – «закон трех ошибок».

Обвиняемый был осужден за два или более преступления, связанных с распространением наркотиков.

В ходе тяжкого убийства обвиняемый рискнул убить еще кого-то, помимо жертв.

Обвиняемый совершил запланированное преднамеренное преступление.

*Жертва была уязвимой вследствие преклонного возраста, юного возраста, немощи.
Обвиняемый совершил преступление особо гнусным, жестоким или порочным способом,
с применением пыток и физического насилия над жертвой.*

Убийство было совершено с целью избежать законного ареста.

Пока я писал то, что смог вспомнить, Тед внимательно смотрел на доску.

– Значит, если мы обнаружим один фактор из графы А и один из графы В, то должны приговорить его к смерти? – спросил он.

– Нет, – ответил я, – потому что есть еще графа С.

«СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА», – написал я.

– Это те факторы, которые защита рассматривает в качестве оправдания.

*Способность обвиняемого оценивать свои действия была ошибочной, противоправной
или замедленной.*

На обвиняемого оказывали сильное давление.

Обвиняемый наказан как соучастник преступления, совершенного другим человеком.

Обвиняемый был молодым, но старше восемнадцати лет.

Досье правонарушений обвиняемого невелико.

*Обвиняемый совершил преступление в состоянии сильного психического и эмоциональ-
ного расстройства.*

*Другой обвиняемый, в равной мере заслуживающий наказания, не будет приговорен к
высшей мере.*

Жертва дала согласие на криминальное поведение, приведшее к смерти.

*Другие факторы в биографии обвиняемого предполагают смягчение смертного пригово-
ра.*

Под графами я написал большими красными буквами:

$(A + B) - C = \text{ПРИГОВОР.}$

Мэрилин всплеснула руками:

– Я перестала помогать сыну с домашней работой по математике в шестом классе.

– Нет, это легко, – сказал я. – Следует согласиться, что, взяв тот пистолет, Борн намере-
вался убить каждую жертву. Это графа А. Затем надо посмотреть, есть ли отягчающие обсто-
ятельства из графы В, например юный возраст жертвы, то есть Элизабет. – Люди, сидящие
вокруг стола, закивали, и я продолжил: – Имея А и В, мы учтем жизнь в приемных семьях,
психическое расстройство и прочее. Это немудреная математика. Если А плюс В перевешивает
все, сказанное защитой, то мы приговариваем его к смерти. Если же А плюс В меньше того,
что сказала защита, то не приговариваем. – Я обвел уравнение. – Нужно только посмотреть,
как суммируются составляющие.

При подобном подходе от нас вообще ничего не зависело. Оставалось лишь подставить
переменные в уравнение и оценить результат. При подобном подходе задача намного упроща-
лась.

13 часов 12 минут

– Разумеется, Борн все спланировал, – сказал Джек. – Он нанялся к ним на работу, чтобы
быть ближе к девочке. Он намеренно выбрал эту семью и получил доступ в дом.

– Он собирался уйти к себе на весь день, – напомнил Джим. – Зачем ему понадобилось
вернуться, если он там был не нужен?

– Инструменты, – ответила Морин. – Он забыл их, а они были его ценным имуществом.
Помните, что сказал психоаналитик? Борн выкрал их у кого-то из гаража и не понимал, почему
это плохо, поскольку они были ему нужны.

– Возможно, он нарочно оставил их, – предположил Тед. – Если уж он так ими дорожил, то почему не забрал с собой?

Похоже, большинство придерживалось такого же мнения.

– Мы согласны с тем, что преступление было основательно спланировано? – спросил Тед. – Прошу проголосовать.

Половина присутствующих, включая меня, сразу подняли руки. Еще несколько человек медленно присоединились. Последней была Морин, и как только она подняла руку, я отметил этот фактор на доске.

– Это два пункта из графы В, – сказал Тед.

– Кстати говоря, а где ланч? – спросил Джек. – Разве его не должны были уже принести?

Он действительно хотел есть?! Что можно заказать из меню, когда пытаешься решить, стоит ли лишать человека жизни?

– По-моему, – вздохнула Мэрилин, – нам следует обсудить тот факт, что несчастную девочку нашли без трусиков.

– Думаю, не нужно, – возразила Морин. – Помните, заслушав вердикт, мы спросили судью, приставал ли Борн к Элизабет? Судья ответил, что, поскольку это не вменялось Борну как содеянное, мы не вправе считать его виновным. Раз уж нельзя было поднять эту тему тогда, то можно ли сейчас?

– Это другое, – возразила Вай. – Он уже признан виновным.

– Он собирался изнасиловать девочку, – сказала Мэрилин. – Я считаю это жестоким гнусным поступком.

– Понимаете, нет доказательств, что это произошло, – заметил Марк.

– Неужели? – подняла брови Мэрилин. – Девочку нашли без трусиков. Семилетние дети не бегают голышом. Кроме того, ее трусы были обнаружены у Борна в кармане. Как они там оказались?

– Разве это имеет значение? Мы уже сошлись на том, что была убита маленькая девочка. Из графы В нам больше ничего не нужно, – заключила Морин и нахмурилась. – Я в растерянности.

Элисон, жена врача, мало говорившая во время обсуждения, взглянула на нее:

– Когда я начинаю сомневаться, то вспоминаю офицера, который давал показания. Он заявил, что слышал крики девочки, пока бежал вверх по лестнице. «Не стреляй!» – просила она. Она умоляла сохранить ей жизнь. – Элисон вздохнула. – Это вроде все упрощает?

Мы замолчали. Тед предложил проголосовать за смертную казнь Шэя Борна.

– Нет, – не согласился я. – Нам все же придется учесть другие части уравнения. – Я ткнул пальцем в графу С. – Нам придется подумать о том, что сказала защита.

– Единственное, о чем я могу сейчас думать, так это о ланче, – признался Джек.

Голоса разделились – 8:4, и я был в меньшинстве.

15 часов 6 минут

Я оглядел комнату. На этот раз руку подняли девять человек. Не проголосовали за смертную казнь Морин, Вай и я.

– Что удерживает вас от принятия этого решения? – спросил Тед.

– Его возраст, – ответила Вай и пояснила: – Моему сыну двадцать четыре, и меня очень волнует, что он не всегда поступает правильно. Он еще не повзрослел.

Джек повернулся ко мне:

– Вам столько же лет, сколько Борну. Чем вы планируете заняться в жизни?

Я почувствовал, что краснею:

– Гм... возможно, поступлю в магистратуру. Пока точно не знаю.

– Зато вы точно никого не убили. – Сказав это, Джек поднялся. – Давайте сделаем короткий перерыв, – предложил он, и все обрадовались случаю отдохнуть друг от друга.

Я бросил маркер на стол и подошел к окну. На уличных скамейках судебные служащие ели принесенные с собой сэндвичи. В изогнутых ветвях деревьев запутались облака. У здания стояли телевизионные микроавтобусы со спутниковыми антеннами на крышах, репортеры ждали наших комментариев.

Рядом со мной уселся Джим и задал вопрос:

– Вы религиозны?

– Когда-то посещал приходскую школу.

Я повернулся к нему и увидел, что он держит Библию.

– Там ведь есть слова о том, что надо подставить другую щеку? – спросил я.

Джим облизнул губы и прочитал вслух:

– «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну»¹. От одного порченого яблока целый воз загнивает. – Он передал Библию мне. – Взгляните сами.

Прочитав цитату, я закрыл книгу. В отличие от Джима, я мало что понимал в религии, но подумал: не имеет значения, что хотел сказать Иисус в этом отрывке, но Он наверняка взял бы свои слова назад, будь Он приговорен к смерти. По сути, у меня мелькнула мысль, что, окажись сейчас Иисус в этой комнате присяжных, Ему тоже пришлось бы туго, как и мне.

16 часов 2 минуты

Тед попросил меня написать на доске «ДА» и «НЕТ», а затем опросил всех по одному, а я вносил имена в ту или иную графу.

Джим?

Да.

Элисон?

Да.

Мэрилин?

Да.

Вай?

Нет.

Поколебавшись, я написал свое имя под именем Вай.

– Вы согласились голосовать за смертный приговор, если придется, – сказал Марк. – Прежде чем выбрать присяжных, каждого из нас спросили, можем ли мы это сделать.

– Знаю.

Я действительно согласился проголосовать за смертный приговор, если дело того потребует. Я просто не представлял себе, что это будет так трудно.

Вай закрыла лицо ладонями:

– Когда мой сын бил младшего брата, я не шлепала его и не говорила: «Не дерись». Тогда мне это казалось лицемерным. И сейчас кажется.

– Вай, – тихо обратилась к ней Мэрилин, – а если бы убили твоего семилетнего мальчугана?

Потянувшись к столу со стенограммами и с уликами, она достала ту самую фотографию Элизабет Нилон, которую прокурор показал нам во время заключительного слова. Молча положила снимок перед Вай и разгладила глянцевую поверхность.

¹ Мф. 5: 29. – Здесь и далее примеч. перев.

Выждав минуту, Вай тяжело поднялась и взяла у меня из руки маркер. Она стерла себя из графы «НЕТ» и вписала под именем Мэрилин, примкнув к десяти другим присяжным, проголосовавшим «за».

– Майкл? – обратился ко мне Тед, и я сглотнул. – Что вы еще хотите увидеть или услышать? – спросил он. – Мы поможем вам найти это.

Он посмотрел на коробку, в которой лежали пули, прошедшие баллистическую экспертизу, одежда убитых, отчеты о вскрытии. Его пальцы перебирали снимки с места преступления: там было столько крови, что с трудом удавалось разглядеть жертву.

– Майкл, – повторил Тед, – посчитайте-ка.

Я повернулся к лекционной доске, не в силах выдержать их горящие взгляды. Рядом со списком имен, в котором мое стояло особняком, было исходное уравнение, выведенное мной, когда мы только вошли в комнату присяжных:

$(A + B) - C = \text{ПРИГОВОР}$.

Что мне нравилось в математике, так это ее надежность. Всегда существовал верный ответ, даже если он был воображаемым.

Правда, в этом уравнении математика не сработала. Потому что факторы $A + B$, приведшие к смерти Курта и Элизабет Нилон, всегда перевешивали C . Этих людей уже ничто не могло воскресить, и никакой душещипательной истории было не под силу стереть эту правду.

В промежутке между «да» и «нет» заключена целая жизнь. Это различие между путем, по которому идешь, и тем, что оставляешь за спиной. Это разрыв между тем, кем ты мог стать, и тем, кем являешься на самом деле. Это пространство для лжи, которой будешь утешать себя в будущем.

Я стер с доски свое имя. Взял маркер и вписал себя в другую графу, становясь двенадцатым и последним присяжным, приговорившим Шэя Борна к смерти.

Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать.

Вольтер. За и против

Одиннадцать лет спустя

Люций

Не имею понятия, где они держали Шэя Борна, перед тем как перевести к нам. Я знал, что он был заключенным в тюрьме штата в Конкорде. Припоминаю, что смотрел по телевизору новости в тот день, когда был объявлен его приговор. Я внимательно вглядывался в окружающий мир, начавший меркнуть в моем сознании: грубый камень тюремных стен, позолоченный купол административного здания, даже очертания двери, сделанной не из металла и проволочной сетки. Его приговор тогда широко обсуждался: где можно содержать осужденного на смерть заключенного, если в вашем штате целую вечность не было таких преступников?

Ходили слухи, что фактически в тюрьме все-таки есть пара камер для смертников – неподалеку от моего скромного обиталища в специально изолированной камере на первом ярусе. Крэш Витале, имеющий мнение по любому вопросу – хотя обычно никто его не слушал, – рассказал нам, что старые камеры смертников забиты поролоновыми плитами, служащими здесь матрасами. Мне стало интересно, куда же подевались все эти лишние матрасы после появления Шэя. Одно ясно: никто не предложил их нам.

Перевод заключенных из камеры в камеру – общепринятая практика. В тюрьме не любят, когда ты чересчур к чему-то привязываешься. За пятнадцать лет моего пребывания здесь меня переводили восемь раз. Разумеется, все камеры выглядят одинаково – разница в том, что меняются соседи. Вот почему появление Шэя на первом ярусе сильно нас заинтриговало.

Это само по себе было редкостью. Шестеро заключенных нашего яруса радикально отличались друг от друга, и ничего удивительного не было в том, что один человек вызвал всеобщее любопытство. В камере номер один сидел педофил Джои Кунц, занимавший нижнюю ступень неофициальной иерархии. В камере номер два находился Кэллоуэй Рис, полноправный член «Арийского братства». В камере номер три был я, Люций Дефрен. Четвертая и пятая камеры пустовали, поэтому мы знали, что нового заключенного поместят в одну из них. Вопрос был в том, окажется он ближе ко мне или к парням из трех последних камер: Тексасу Райделлу, Поджи Симмонсу и Крэшу, самозваному лидеру первого яруса.

Пока Шэя Борна вели в сопровождении фаланги из шести тюремных охранников в шлемах, бронежилетах и защитных масках, мы все прильнули к дверям наших камер. Надзиратели прошли мимо душевой, расположенной в начале галереи, прошаркали мимо камер Джои и Кэллоуэя и задержались прямо напротив меня, так что мне удалось хорошо рассмотреть Борна. Он был маленьким и щуплым, с коротко стриженными темно-русыми волосами и глазами цвета Карибского моря. Я знал о Карибах, потому что провел там последний отпуск с Адамом. Хорошо, что у меня не такие глаза. Не хотелось бы каждый день, глядя в зеркало, вспоминать о месте, которое никогда больше не увижу.

И вот Шэй Борн повернулся ко мне.

Может, сейчас самое время рассказать, что из-за моей внешности надзиратели старались не смотреть на меня и поэтому я иногда прятался в глубине камеры. Все мое лицо ото лба до подбородка было покрыто красно-фиолетовыми шелушащимися язвами. Большинство людей при встрече со мной вздрагивали. Даже воспитанные, как восьмидесятилетний проповедник, раз в месяц приносивший нам буклеты. Сначала он отводил глаза, а потом весь обращался в зрение, словно мой облик был еще хуже, чем ему запомнилось. Но Шэй просто встретился со мной взглядом и кивнул, как будто я не отличался от любого другого.

Я услышал, как захлопнулась дверь соседней камеры, как загремели цепи, когда Шэй просунул руки сквозь проем в двери, чтобы ему сняли наручники. Надзиратель ушел с галереи, и почти сразу раздался голос Крэша.

– Салют, смертник! – завопил он.

Из камеры Шэя Борна ответа не последовало.

– Эй, отвечай, когда с тобой говорит Крэш!

– Оставь его в покое, Крэш, – вздохнул я. – Дай бедняге время сообразить, какой ты болван.

– О-о, смертник, берегись! – протянул Кэллоуэй. – К тебе подмазывается Люций, а его последний бойфренд уже отдал Богу душу.

Послышался щелчок и звуки из телевизора, а затем Шэй, вероятно, подключил наушники, которые нам предписывалось иметь, чтобы мы не цапались из-за громкости. Я немного удивился, что смертник в состоянии купить в лавке телевизор, такой же, как у нас. Видимо, экран у этого телика был тринадцать дюймов по диагонали и корпус из прозрачного пластика, чтобы надзиратели сразу заметили, если кто-то вынет детали для изготовления оружия.

Пока Кэллоуэй и Крэш, как обычно, на пару изводили меня, я достал собственные наушники и тоже включил телик. Было пять часов, и мне не хотелось пропустить шоу Опри Уинфри. Но когда я попытался поменять каналы, ничего не вышло. Экран мигал, как будто настраиваясь на двадцать второй, но тот не отличался от третьего, пятого, Си-эн-эн или кулинарного канала.

– Эй! – принялся колотить в дверь Крэш. – Слушайте, кабель накрылся! У нас есть свои права, вы, там...

Иногда наушники не спасают.

Я прибавил громкость и стал смотреть местные новости. Показывали акцию по сбору денег для детской больницы неподалеку от Дартмутского колледжа. Там были клоуны, воздушные шары и даже два игрока команды «Ред сокс», раздающие автографы. Камера остановилась на девочке с белокурыми волосами сказочной принцессы и голубыми полумесяцами под глазами – как раз таких детей показывают по телевидению, чтобы заставить вас раскошелиться.

– Клэр Нилон, – произнес за кадром голос репортера, – ожидает донорское сердце.

О-го-го! – подумал я. У всех свои проблемы.

Я снял наушники. Если нельзя смотреть шоу Опри, не хочу ничего другого.

Вот почему я услышал самое первое слово Шэя Борна, произнесенное на нашем ярусе.

– Да, – сказал он, и неожиданно кабель снова врубился.

Вы, вероятно, успели заметить, что я дам сто очков вперед любому кретину с первого яруса, а все потому, что на самом деле я здесь не на месте. Это было преступление на почве страсти. Вот только противоречие состоит в том, что я сфокусировался на страсти, а суд – на преступлении. Но ответьте мне, что бы сделали вы, если бы любовь всей вашей жизни нашла себе новую любовь своей жизни: кого-то моложе, стройнее, привлекательнее?

Ирония заключалась в том, что никакой приговор, вынесенный судом за убийство, не мог сравниться с тем, что губило меня в заключении. В моем последнем анализе крови, взятом полгода назад, лимфоциты упали до семидесяти пяти клеток на кубический миллиметр крови. У здорового человека, без ВИЧ, нормальное количество Т-клеток составляет тысячу и больше. Вирус проникает в эти белые кровяные тельца, то есть лейкоциты. Для борьбы с инфекцией лейкоциты размножаются, и вирус тоже. Чем слабее моя иммунная система, тем скорее я заболею или подхвачу условно-патогенную заразу вроде токсоплазмоза или цитомегаловирусной инфекции. Врачи говорят, что я умру не от СПИДа – я умру от пневмонии или бактериальной инфекции мозга. Но какая разница, это лишь слова. Все равно – умру.

Я был профессиональным художником, теперь это мое хобби, хотя в подобном месте намного сложнее достать необходимые материалы. Если прежде я предпочитал масляные

краски фирмы «Винзор и Ньютон», соболиные кисти и льняной холст, который сам натягивал и покрывал левкасом, то теперь довольствуюсь тем, что окажется под рукой. По моей просьбе племянники присылали мне рисунки карандашом на картоне, я стирал картинки и снова использовал эту плотную бумагу. Я припрятывал еду, из которой можно было извлечь пигмент. Этой ночью я тружусь над портретом Адама – конечно, по памяти, больше у меня ничего не осталось. Я смешал в крышечке от бутылки из-под сока немного красного сиропа, выдавленного из конфетки «Скитлс», с горошинкой зубной пасты, а во второй крышечке – кофе с каплей воды, затем соединил все это и получил нужный оттенок его кожи – глянцеви- тую черную патоку.

Я заранее набросал черным цветом его черты: широкий лоб, мощная челюсть, орлиный нос. С помощью самодельного ножа я соскоблил черную краску с фотографии угольной шахты из журнала «Нэшнл джиографик» и добавил толику шампуня, чтобы получить светлый тон. Огрызком карандаша перенес цвет на мое импровизированное полотно.

Господи, как он был красив!

Шел уже четвертый час ночи, но, честно говоря, я сплю немного. А когда засыпаю, часто хожу в туалет, хотя теперь я ем совсем мало, пища проскакивает через меня на раз-два. Меня часто тошнит, болит голова. Из-за стоматита трудно глотать. И когда меня одолевает бессон- ница, я занимаюсь творчеством.

Этой ночью я сильно вспотел. Проснулся весь мокрый и, сняв простыни, не захотел снова лечь на матрас. Вместо этого достал свою картину и принялся заново создавать Адама. Но меня отвлекали другие его портреты, висевшие на стенах камеры: Адам стоит в той самой позе, впервые поразившей меня, когда он служил моделью в арт-классе, где я преподавал. Лицо Адама, когда он открывает глаза утром. Адам оглядывается через плечо в тот момент, когда я в него стреляю.

– Мне надо это сделать, – сказал Шэй Борн. – Это мой единственный шанс.

С момента своего появления днем на первом ярусе он не проронил ни слова, и я недо- умевал, с кем он ведет разговор в этот ночной час. Галерея была пуста. Может быть, ему при- снился кошмар?

– Борн? – прошептал я. – Ты в порядке?

– Кто... здесь?

Слова давались ему с трудом – он не заикался, нет, но каждый слог был как камешек, который ему приходилось проталкивать вперед.

– Я Люций, Люций Дефрен, – ответил я. – Ты с кем-то разговариваешь?

Он помедлил с ответом.

– Кажется, я разговариваю с тобой.

– Не спится?

– Я мог бы поспать, – ответил Шэй. – Просто не хочется.

– Значит, тебе повезло больше, чем мне, – заметил я.

Это была шутка, но он воспринял ее по-своему.

– Ты не такой везучий, как я, а я менее невезучий, чем ты, – сказал он.

Что ж, по-своему Шэй Борн был прав. Может, мне не вынесли такой же приговор, как ему, но, как и он, я умру в стенах этой тюрьмы – скорее рано, чем поздно.

– Люций, – позвал он, – чем ты сейчас занимаешься?

– Рисую.

Повисло молчание.

– Что – свою камеру?

– Нет. Портрет.

– Зачем?

– Я художник.

– Однажды в школе учитель рисования сказал, что у меня классические губы, – вспомнил Шэй. – До сих пор не понимаю, что это значит.

– Это отсылка к древним грекам и римлянам, – объяснил я. – А искусство, которое мы видим представленным на...

– Люций, ты видел сегодня по телику... «Ред сокс»?..

У всех обитателей нашего яруса, включая меня, есть свои любимые команды. Каждый из нас ведет дотошный счет очкам в турнирной таблице. Мы обсуждаем справедливость действий рефери, как будто мы судьи из Верховного суда. Иногда надежды наших команд разбиваются, как и у нас самих, а по временам мы смотрим по телику мировые турниры. Но сейчас продолжалось предсезонье, и вечером никаких игр не показывали.

– За столом сидел Шиллинг, – добавил Шэй, с трудом подыскивая нужные слова. – И там была девочка...

– Ты имеешь в виду акцию по сбору средств? Ту, что проводилась в больнице?

– Да, та девочка, – повторил Шэй. – Я хочу отдать ей свое сердце.

Не успел я ответить, как раздался грохот и вслед за ним глухой звук от падения тела на бетонный пол.

– Шэй? – позвал я. – Шэй!

Я прижался лицом к оргстеклу. Мне совсем не видно было Борна, но я слышал какие-то ритмические удары в дверь его камеры.

– Эй! – изо всей мочи завопил я. – Эй, нам тут внизу нужна помощь!

Зэки начали просыпаться, проклиная меня за то, что я нарушил их покой, но вскоре умолкли от изумления. На первый ярус ворвались двое надзирателей в бронежилетах. Один из них, Каппалетти, считал своим долгом всегда кого-нибудь осаживать. Другой, Смайт, относился ко мне сугубо профессионально. Каппалетти остановился перед моей камерой:

– Дефрен, если ты поднял ложную тревогу...

Но Смайт уже опустился на колени перед камерой Шэя:

– По-моему, у Борна припадок. – Он нажал клавишу на рации, и электронные двери раздвинулись, чтобы пропустить других офицеров.

– Дышит? – спросил один.

– Переверните его, на счет «три»...

Прибыли paramedics «скорой помощи» и повезли Шэя мимо моей камеры на каталке – носилках с ремнями на уровне плеч, живота и ног. Их применяли для перевозки зэков вроде Крэша, доставляющих беспокойство, даже если они закованы в цепи на уровне пояса и лодыжек, или для транспортировки больных, не способных дойти до лазарета. Я предполагал, что покину первый ярус на одной из таких каталок. Но в тот момент я понял, что эта каталка очень напоминает стол, к которому однажды пристегнут Шэя для введения ему смертельной инъекции.

Paramedics надели на лицо Шэя маску, запотевавшую все больше с каждым его вдохом. Глаза Шэя закатились, были видны только белки.

– Сделайте все возможное, чтобы привести его в чувство, – инструктировал надзиратель Смайт.

Так я узнал, что штат спасает умирающего, чтобы позже убить его.

Майкл

В церкви мне нравилось очень многое.

Например, чувство, которое я испытывал, когда во время воскресной мессы двести голосов возносились в молитве к стропилам. Или то, что у меня всякий раз дрожали руки, когда я предлагал прихожанину облатку. Мне нравилось недоверчивое выражение лица какого-нибудь тинейджера, когда тот с вожделением смотрел на мотоцикл «триумф-трофи» шестидесят девяттого года, отремонтированный мной, а потом оказывалось, что я священник и что быть крутым и быть католиком – вовсе не взаимоисключающие понятия.

Я служил младшим священником в церкви Святой Екатерины, что была одним из четырех приходов Конкорда, штат Нью-Гэмпшир. Почему-то времени постоянно не хватало. Мы с отцом Уолтером по очереди совершали мессу или выслушивали исповеди. Иногда нас просили провести урок в приходской школе соседнего городка. Всегда находились больные, чем-то обеспокоенные или одинокие прихожане, которые ждали нашего посещения. Всегда надо было читать молитвы. Но мне доставляли радость даже самые обычные дела: подмести вестибюль или вымыть сосуды для евхаристии в приделе, чтобы ни одна капля праведной крови не оказалась в канализации Конкорда.

У меня не было своего кабинета в церкви Святой Екатерины, в отличие от отца Уолтера. Но он столь давно служил в приходе, что воспринимался такой же его частью, как скамьи из палисандрового дерева и плюшевые драпировки у алтаря. Правда, он повторял, что постарается освободить для меня место в чулане, где он дремал после обеда. Но разве я мог позволить себе разбудить человека семидесяти с лишним лет и выпроводить его? Вскоре я перестал просить об этом одолжении, а просто поставил небольшой письменный стол в кладовке, где хранился хозинвентарь.

Сегодня мне предстояло написать проповедь. Я знал, что если уложусь в семь минут, то пожилые прихожане не заснут. Но вместо проповеди мои мысли были заняты одной из наших самых юных членов общины. Ханна Смайт была первым ребенком, которого я крестил. Теперь, всего год спустя, она то и дело попадала в больницу. Неожиданно у нее случился отек горла, и обезумевшие родители срочно везли ее в отделение скорой помощи для интубации, а там порочный круг начинался снова. Я вознес короткую молитву Богу, чтобы врачи вылечили Ханну. Когда я осенял себя крестным знамением, к моему столу подошла миниатюрная женщина с серебристыми волосами:

– Отец Майкл?

– Мэри Лу, как поживаете? – откликнулся я.

– Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Мэри Лу Хакенс обычно не ограничивалась несколькими минутами, а могла говорить час напролет. У нас с отцом Уолтером был неписанный уговор спасать друг друга от ее неумеренных восторгов после мессы.

– Чем могу вам помочь?

– Мне очень неловко, – призналась она. – Просто я хотела узнать, не можете ли вы благословить мой бюст.

Я улыбнулся ей. Прихожане часто просили нас помолиться за предмет поклонения.

– Разумеется. Он у вас с собой?

Она посмотрела на меня как-то странно:

– Ну конечно.

– Отлично! Давайте взглянем на него.

Мэри Лу скрестила руки на груди:

– В этом нет необходимости!

С опозданием уразумев, что именно она просила меня благословить, я почувствовал, как к моим щекам прилила кровь.

– Прошу прощения... – залепетал я. – Я не имел в виду...

Ее глаза наполнились слезами.

– Завтра мне удаляют опухоль молочной железы, отец, и я в ужасе.

Поднявшись, я обнял ее за плечи, подвел к ближайшей скамье и предложил бумажную салфетку.

– Простите, – всхлипнула она, – не знаю, с кем еще можно поговорить. Если я скажу мужу, то, боюсь, он тоже испугается.

– Вы знаете, с кем можно говорить, – мягко произнес я. – И вы знаете, что Он всегда слушает. – Я коснулся ее макушки. – Всемогущий и вечный Боже, бессмертный Спаситель всех верующих, услышь нас от имени Твоего слуги Мэри Лу, для которой мы молим о Твоем милосердии, а после восстановления ее телесного здоровья она воздаст Тебе благодарность в Твоей церкви. Во имя Господа, аминь.

– Аминь, – прошептала Мэри Лу.

Это еще одно, что мне нравится в церкви: никогда не знаешь, чего ждать.

Люций

Шэй Борн вернулся на первый ярус после трех дней в лазарете, и у него появилась миссия. Каждое утро, когда приходили надзиратели, чтобы узнать, кто хочет в душ или на прогулку во двор, Шэй спрашивал разрешения поговорить с начальником тюрьмы Койном.

– Заполни запрос, – снова и снова твердили ему, но, похоже, до него не доходило.

Когда наступала его очередь гулять на плацу, напоминавшем тесную клетку, он вставал в дальнем углу и, глядя в сторону административного корпуса, изо всей мочи выкрикивал свое требование. Когда ему приносили обед, он спрашивал, согласился ли начальник поговорить с ним.

– Знаете, почему его перевели на первый ярус? – спросил однажды Кэллоуэй, когда Шэй вопил из душа, требуя аудиенции у Койна. – Потому что на прежнем месте все от него оглохло.

– Он ведь тормоз, – отозвался Крэш. – Тут уж ничего не попишешь. Верно, Джои?

– Он не умственно отсталый, – сказал я. – Возможно, у него ай-кью в два раза выше, чем у тебя, Крэш.

– Заткнись, ты, мазилка! – приказал Кэллоуэй. – Заткнитесь, все!

Кэллоуэй опустился на колени у двери своей камеры, выживая что-то с помощью переплетенных нитей, вытянутых из одеяла и привязанных одним концом к свернутому в трубочку журналу. Он забросил удочку в центр узкого перехода – рискованный трюк, поскольку надзиратели могли вернуться в любую минуту. Мы обычно передавали что-нибудь друг другу таким способом: книжку в мягкой обложке, шоколадный батончик. Поначалу мы не могли сообразить, чем он там занят, но вскоре заметили на полу маленький яркий овал. Лишь Господу Богу известно, зачем птице понадобилось свить гнездо в такой дыре, но несколько месяцев назад птаха, залетевшая к нам через прогулочный плац, сделала это. Одно яйцо вывалилось из гнезда и разбилось, недоразвившийся птенец дрозда лежал на боку, его тощая сморщенная грудка ходила ходуном.

Кэллоуэй дюйм за дюймом сматал бечевку.

– Он не выживет, – заметил Крэш. – Маме он уже не нужен.

– Ну а мне – нужен, – сказал Кэллоуэй.

– Положи его в теплое место, – предложил я. – Заверни в полотенце или типа того.

– Или в футболку, – добавил Джои.

– Не нуждаюсь в советах чмо, – заявил Кэллоуэй, но секунду спустя спросил: – Думаешь, футболка подойдет?

Пока Шэй вопил, призывая начальника, все слушали прямой репортаж Кэллоуэя. Дрозда завернули в футболку. Дрозда засунули в кед. Дрозд повеселел. Дрозд на полсекунды приоткрыл левый глаз.

Мы все успели позабыть, каково это – сильно любить что-то или кого-то и очень бояться это потерять. В первый год, попав сюда, я представлял себе, что полная луна – мой домашний любимец, что она раз в месяц приходит именно ко мне. А прошлым летом Крэш занимался тем, что обмазывал джемом решетку вентиляционной трубы, чтобы привлечь колонию пчел, но делал это не из любви к пчеловодству, а потому, что ошибочно полагал, будто может выдрессировать их для нападения на спящего Джои.

– Ковбои идут, – предупредил Крэш о приближении надзирателей к галерее.

Через минуту двери с лязгом открылись. Офицеры стояли перед камерой с душем, ожидая, когда Шэй просунет руки в проем, чтобы надеть ему наручники для перемещения на двадцать футов обратно в камеру.

– Они не знают, что это может быть, – сказал надзиратель Смайт. – Они исключили легочные проблемы и астму. Говорят, похоже на аллергию, но мы все убрали из ее комнаты, Рик, так что детская теперь голая, как камера.

Иногда надзиратели болтали при нас друг с другом. Они никогда не посвящали заключенных в свою жизнь, и это, по сути, было хорошо. Мы не хотели знать, что у парня, который подвергает нас полному личному досмотру, есть сын, забивший победный гол в футбольном матче в прошлый четверг. Лучше обойтись без сантиментов.

– Врачи говорят, – продолжал Смайт, – что ее сердечко не выдержит такого стресса. И я тоже не выдержу. Представь, каково это – видеть свою крошку со всеми этими подключенными трубками и мешочками?

Второй надзиратель, Уитакер, был католиком. Он любил подбрасывать на мой обеденный поднос написанные от руки цитаты из Библии, осуждавшие гомосексуализм.

– Отец Уолтер в воскресенье читал молитву за Ханну. Он сказал, что с радостью навестит тебя в больнице.

– Нет ничего такого, что я хотел бы услышать из уст священника, – пробормотал Смайт. – Что это за Бог, который творит подобное с ребенком?

Руки Шэя проскользнули через окошко в душевой камере, на них надели наручники, и дверь открылась.

– Начальник говорил, что примет меня?

– Угу, – пробубнил Смайт, ведя Шэя в камеру. – Он приглашает тебя на крутое чаепитие!

– Мне просто надо поговорить с ним пять минут...

– Не у тебя одного проблемы, – огрызнулся Смайт. – Заполни запрос.

– Не могу, – ответил Шэй.

Я откашлялся:

– Офицер, можно мне тоже бланк запроса, пожалуйста?

Он запер камеру Шэя, вынул бланк из кармана и просунул его в окошко моей камеры.

Когда надзиратели выходили с галереи, слышалось тонкое невнятное чириканье.

– Шэй? – спросил я. – Почему ты не хочешь сделать запрос?

– Не могу найти правильные слова.

– Уверен, начальнику наплевать на грамматику.

– Нет, когда я пробую писать, то путаю буквы.

– Так скажи мне, и я напишу за тебя.

Наступила пауза.

– Ты сделаешь это для меня?

– Вы оба, завязывайте с мыльной оперой! – вмешался Крэш. – Меня от вас тошнит.

– Скажи начальнику, – начал диктовать Шэй, – что я хочу пожертвовать свое сердце, после того как он меня прикончит. Я хочу отдать его девочке, которой оно нужно больше, чем мне.

Я приложил бланк к стене и написал все это карандашом, поставив подпись Шэя. Привязав запрос к своей удочке, я забросил листок в узкую щель под дверью его камеры.

– Отдай это надзирателю, который будет делать обход завтра утром.

– Эй, Борн, – вмешался Крэш, – не представляю, что бы я с тобой сделал. С одной стороны, ты подонок, убивший ребенка. За то, что ты сотворил с этой девчушкой, я бы пожелал тебе стать грибовкой паршой, покрывающей Джои. Но с другой стороны, ты завалил копа, и я благодарен тебе за то, что на свете стало одной свиньей меньше. И что я, по-твоему, должен испытывать? Ненавидеть тебя или уважать?

– Ни то ни другое, – сказал Шэй. – То и другое.

– Знаешь, что я думаю? Убийство ребенка перевешивает все добро, что ты мог совершить.

Крэш встал перед дверью своей камеры и принялся молотить по оргстеклу металлической кофейной кружкой:

– Вышвырните его! Вон! Вон!

Джои, привыкший довольствоваться положением пешки, первым подхватил эти выкрики. Вскоре к ним присоединились Тексас и Поджи, поскольку они всегда слушались Крэша.

– Вышвырните его!

– Вышвырните его!

Из громкоговорителя зазвучал голос Уитакера:

– У тебя проблемы, Витале?

– У меня проблем нет. Проблемы есть у этого гаденыша, убившего ребенка. Вот что я скажу, офицер. Выпустите меня на пять минут, и я освобожу прилежных налогоплательщиков Нью-Гэмпшира от необходимости избавиться от него...

– Крэш, – тихо произнес Шэй, – остынь.

Меня отвлек свистящий шум, что вдруг стал доноситься из моей крошечной раковины. Только когда вода хлынула из крана, я встал посмотреть. Происходящее было примечательно в двух отношениях: обычно вода текла тоненькой струйкой, даже в душе. К тому же жидкость, которая сейчас выплескивалась из металлической раковины, была густого красного оттенка.

– Мать твою! – заорал Крэш. – Меня затопило!

– Чувак, это похоже на кровь, – в ужасе произнес Поджи. – Я не стану этим умываться.

– В унитазе то же самое, – добавил Тексас.

Все мы знали, что трубы в наших камерах соединяются. Это означало, что буквально невозможно было отделаться от дерьма, приносимого от соседей. Однако ты мог фактически отправить по трубам свое послание вдоль всего коридора. Перед тем как попасть в канализацию, оно ненадолго появлялось в раковине соседней камеры. Я обернулся и заглянул в свой унитаз. Вода была темной, как рубин.

– Чтоб мне провалиться, – проронил Крэш. – Это не кровь. Это вино.

Он загоготал как помешанный:

– Угощайтесь, дамы. Выпивка за счет заведения.

Я выжидал. Я не пил там воду из-под крана. И без того меня не покидало чувство, что мои препараты от СПИДа могли быть частью какого-то государственного эксперимента, проводимого над обреченными узниками... Я не был готов пить из системы водоочистки, контролируемой той же администрацией. Но потом я услышал смех Джои и причмокивание, с каким Кэллоуэй пил из крана, и пьяные песни Тексаса и Поджи. Действительно, настрой всего яруса радикально изменился, и вскоре мы услышали по интеркому рокочущий голос Уитакера, явно смущенного картинками на мониторах.

– Что там у вас происходит? – спросил он. – Утечка в водопроводе?

– Можно и так сказать, – ответил Крэш. – Или можно сказать, нас одолела сильная жажда.

– Присоединяйтесь, офицер, – добавил Поджи. – Поставим еще выпивку.

Всем это вроде казалось смешным, но они уже успели приговорить примерно полгаллона этого непонятного пойла. Я опустил палец в темный поток, продолжавший бить из моей раковины. Это могла быть вода с примесью железа или марганца, но на самом деле эта липкая жидкость пахла сахаром. Я нагнул голову к крану и начал осторожно пить.

Мы с Адамом были тайными сомелье и ездили на виноградники Калифорнии. На мой день рождения в том последнем году Адам подарил мне бутылку «Каберне-Совиньон» две тысячи первого года производства «Доминус Эстейт». Мы собирались распить ее в канун Нового года. Несколько недель спустя, когда я вошел в комнату и увидел их, переплетенных, как тропические лианы, эта бутылка тоже была там – опрокинувшись, она упала с тумбочки и запятнала ковер спальни, как и пролитая перед тем кровь.

Если бы вы просидели в тюрьме с мое, то испробовали бы много всяких инновационных способов кайфануть. Я пил крепкое пойло, полученное перегонкой из фруктового сока, хлеба и леденцов. Я вдыхал дезодорант-спрей и курил высушенную банановую кожуру, завернутую в страничку из Библии. Но это было нечто новое. Настоящее вино, клянусь Богом!

Я расхохотался. Но потом зарыдал, оплакивая то, что потерял, – то, что теперь буквально утекало у меня сквозь пальцы. Вам может не доставать только того, о чем вы помните. Прошло много времени с момента, когда земные блага перестали быть частью моей повседневной жизни. Я налил вина в пластмассовую кружку и выпил его. Я делал это снова и снова, постепенно забывая, что все необыкновенное в жизни кончается. Учитывая мою историю, я мог бы читать лекции на эту тему.

Наконец надзиратели сообразили, что с водопроводом случилась какая-то заваруха. Двое из них, кипя от злости, поднялись на наш ярус и задержались перед моей дверью.

– Ты! – скомандовал Уитакер. – Наручники.

Вся эта кутерьма с заковыванием моих запястий в наручники через открытое окошко камеры затевалась ради того, чтобы Уитакер мог отпереть дверь и обследовать камеру, пока Смайт сторожит меня. Я смотрел через плечо, как Уитакер опускает мизинец в поток вина и подносит его к языку.

– Люций, что это такое? – удивился он.

– Сначала я подумал, каберне, офицер, – ответил я. – Но теперь склоняюсь к дешевому мерло.

– Вода поступает из городского резервуара, – сказал Смайт. – Заключенным нельзя туда лезть.

– Может, это чудо, – пропел Крэш. – Вы же все знаете о чудесах, так ведь, офицер, фанатик веры?

Дверь моей камеры закрыли и освободили мне руки. Уитакер вышел на мостик яруса.

– Кто это сделал? – спросил он, но мы его не слушали. – Кто несет за это ответственность?

– Какая разница? – откликнулся Крэш.

– Так помогите мне. Если ни один из вас не сознается, я попрошу, чтобы сантехники на всю неделю отключили вам воду, – начал угрожать Уитакер.

– Уит, – рассмеялся Крэш, – Американский союз защиты гражданских свобод нуждается в живом примере.

Под наш хохот надзиратели стремительно ретировались с яруса. Смешными становились совсем не забавные вещи, я даже был не против послушать Крэша. В какой-то момент вино потекло тонкой струйкой и потом иссякло, но Поджи уже вырубился, а Тексас и Джои стройно пели балладу «Дэнни-бой», я же быстро отключался. Фактически последнее, что я помнил, – это как Шэй спрашивает Кэллоуэя, как тот назовет свою птичку, и его ответ: Бэтмен-Робин. И еще Кэллоуэй подбивал Шэя на состязание по выпивке, но Шэй говорил, что воздержится. И что он вообще не пьет.

После превращения в вино водопроводной воды на нашем ярусе в камеры два дня кряду шел непрерывный поток сантехников, научных работников и тюремных администраторов. Очевидно, мы были единственным блоком в тюрьме, где такое случилось. Представители власти поверили этому, потому что после обыска надзиратели конфисковали из наших камер флаконы с шампунем, молочную тару и даже пластиковые пакеты, которые мы находчиво использовали для хранения излишков вина. Кроме того, на стенках труб было обнаружено соответствующее вещество. Хотя никто не собирался показывать нам результаты лабораторных анализов, ходили слухи, что исследуемая жидкость явно не водопроводная вода.

Наши прогулки и душ отменили на неделю, как будто мы были виноваты в случившемся. Только через сорок три часа ко мне пустили тюремную медсестру Алму, от которой всегда

пахло лимонами и постельным бельем, а на ее голове в виде башни кольцами была уложена коса. Я все думал, к каким ухищрениям она прибегает, когда ложится спать. Обычно она приходила дважды в день и приносила мне полный стаканчик ярких и больших, как стрекозы, пилюль. Она также смазывала кремом зараженные грибок ступни заключенных, проверяла зубы, испорченные кристаллическим метамфетамином, – вообще, делала все то, что не требовало посещения лазарета. Признаюсь, несколько раз я симулировал болезнь, чтобы Алма измерила мне температуру или кровяное давление. Иногда на протяжении многих недель она была единственным человеком, прикасавшимся ко мне.

– Итак, – начала она, когда ее впустил в мою камеру надзиратель Смайт, – я слышала, у вас тут творится всякое. Расскажешь, что произошло?

– Рассказал бы, если бы мог, – ответил я, покосившись на сопровождающего ее охранника. – А может, и нет.

– Мне на ум приходит только один человек, во время оно превративший воду в вино, – сказала она. – И мой пастор уверит тебя, что этого не было в тюрьме штата в минувший понедельник.

– Возможно, твой пастор предположит это в следующий раз, когда Иисус наполнит тела прекрасным вином «Шираз».

Рассмеявшись, Алма сунула мне в рот термометр. Поверх ее спины я рассматривал Смайта. Покрасневшими глазами он в задумчивости уставился на стену, вместо того чтобы следить за мной и не дать мне совершить какую-нибудь глупость, например взять Алму в заложники.

Запикал термометр.

– У тебя по-прежнему повышенная температура.

– Скажи мне что-то, чего я не знаю, – ответил я, нащупав кровь у себя под языком, сочащуюся из язв – неотъемлемых при этой ужасной болезни.

– Принимаешь лекарства?

– Ты же видишь, как я каждый день запихиваю их себе в рот, – пожал я плечами.

Алма знала, что любой заключенный может придумать свой способ убить себя.

– Только не умирай при мне, Юпитер, – сказала она, стирая что-то липкое с красного пятна у меня на лбу, благодаря которому я получил это прозвище. – Кто еще расскажет мне то, что я пропустила в «Главном госпитале»?

– Пустяковый повод околачиваться здесь.

– Я слышала и похуже.

Алма повернулась к надзирателю Смайту:

– Мы закончили.

Она ушла, и по команде с пульта управления дверь плавно закрылась под скрежет металлических зубьев.

– Шэй, – позвал я, – не спишь?

– Не сплю.

– Пожалуй, тебе стоит закрыть уши.

Шэй не успел спросить почему, а Кэллоуэй уже разразился потоком ругательств, что происходило постоянно, когда Алма приближалась к нему на пять футов.

– Проваливай отсюда, черномазая! – завопил он. – Клянусь Богом, что оттрахаю тебя, если только прикоснешься ко мне...

Надзиратель Смайт прижал дебошира к стене камеры.

– Ради всего святого, Рис, – сказал он, – неужели из-за чертова пластыря каждый день должно повторяться одно и то же?

– Да, если его клеит эта черная сука.

Кэллоуэя осудили за то, что он семь лет назад дотла спалил синагогу. У него были повреждения головы, и потребовалась обширная пересадка кожи на руках. Однако он полагал свою миссию выполненной, потому что напуганный раввин покинул город. Пересаженная кожа еще нуждалась в лечении – за прошедший год Рис перенес три операции.

– Знаете что, – сказала Алма, – мне наплевать, даже если руки у него сгниют.

И ей действительно было все равно. Но ей было не все равно, когда ее называли черномазой. Каждый раз, услышав это слово от Кэллоуэя, она сжималась и, выйдя из его камеры, шла по галерее чуть медленнее.

Я прекрасно понимал, что именно она чувствовала. Если ты отличаешься от других, то порой не видишь массу людей, принимающих тебя таким, какой ты есть. Но замечаешь того единственного, который не принимает тебя.

– Из-за тебя я подхватил гепатит С, – проворчал Кэллоуэй, хотя наверняка заразился через лезвие цирюльника, как заражаются в тюрьме другие заключенные. – Из-за тебя и твоих грязных негритянских лап.

Кэллоуэй был сегодня особенно несносным, даже для себя. Поначалу я подумал, что он бесится, как и все мы, оттого что нас лишили наших скудных привилегий. Но потом до меня дошло: Кэллоуэй не хотел впускать к себе Алму, потому что она могла обнаружить птенца. А случись это, Смайт конфисковал бы пичугу.

– Что ты намерена делать? – спросил Смайт у Алмы.

– Не собираюсь с ним спорить, – вздохнула она.

– Вот и правильно! – прокаркал Кэллоуэй. – Ты же знаешь, кто здесь босс. РАХОВА!

При этом выкрике, означавшем священную войну против евреев и цветных, все заключенные специально изолированных тюремных камер разразились воплями. В таком белом штате, как Нью-Гэмпшир, обитателями тюрьмы руководило «Арийское братство». Они контролировали торговлю наркотиками за решеткой, они набивали друг другу татуировки в виде трилистника, молнии и свастики. Чтобы быть принятым в банду, надлежало убить кого-то с одобрения «братства» – чернокожего, еврея, гомосексуалиста или любого другого неуютного человека.

Вопли становились оглушительными. Алма прошла мимо моей камеры, Смайт следом за ней.

Когда они проходили мимо Шэя, тот сказал надзирателю:

– Загляните внутрь.

– Я знаю, что там, внутри Риса, – отозвался Смайт. – Двести двадцать фунтов дерьма.

Хотя медсестра и охранник уже ушли, Кэллоуэй продолжал горланить.

– Ты что! – зашипел я на Шэя. – Если они найдут эту дурацкую птицу, то снова обшарят все камеры! Хочешь на две недели остаться без души?

– Да речь не о том, – сказал Шэй.

Я не ответил, а просто улегся на койку, затолкав в уши мятой туалетной бумаги. И все же услышал, как Кэллоуэй распевает гимны «белой гордости». И все же услышал, как Шэй во второй раз повторяет мне, что говорил не о птичке.

В ту ночь, когда я проснулся весь в поту, чувствуя, как сердце готово выскочить из глотки, Борн снова разговаривал сам с собой.

– Они поднимают простыню, – сказал он.

– Шэй?

Я взял кусочек металла, выпиленный из кромки столика. Не один месяц ушел на то, чтобы вырезать его с помощью самодельной алмазной ленточной пилы – резинки от трусов с добавлением зубной пасты и пищевой соды. И что интересно, этот треугольный кусочек

металла совмещал в себе зеркало и ножик. Я просунул руку под дверь, повернув зеркальце так, чтобы увидеть камеру Шэя.

Он лежал на койке с закрытыми глазами и скрещенными на груди руками. Его дыхание почти не ощущалось – грудь еле заметно поднималась и опускалась. Могу поклясться: я чуял запах червей во вскопанной земле. Я слышал, как о заступ могильщика ударяются камешки.

Он репетировал.

Я и сам это делал. Может быть, не совсем так, но и я репетировал собственные похороны. Кто придет. Кто оденется подобающим образом, а кто предстанет в каком-нибудь омерзительном прикиде. Кто будет плакать, а кто – нет.

Благослови, Господь, наших надзирателей! Они поместили Шэя Борна по соседству с тем, кто был обречен на смертный приговор.

Через две недели после прибытия Шэя на первый ярус как-то рано утром к нему в камеру вошли шестеро офицеров и приказали раздеться.

– Наклонись, – услышал я голос Уитакера. – Раздвинь ноги. Подними их. Покашляй.

– Куда мы идем?

– В лазарет. Медосмотр.

Я знал эту процедуру. Они обыщут одежду, чтобы удостовериться в отсутствии спрятанной контрабанды, потом велют снова одеться. После чего Борна выведут с первого яруса за пределы зоны специально изолированных камер.

Час спустя я проснулся от шума открываемой в камеру Шэя двери, когда его сопроводили обратно.

– Я помолюсь за твою душу, – важно произнес Уитакер и ушел с яруса.

– Ну что? – начал я неестественно жизнерадостным голосом. – Здоров как бык?

– Меня не водили в лазарет. Мы были в кабинете начальника тюрьмы.

Я уселся на койке, подняв глаза к отдушине, из которой доносился голос Шэя, и сказал:

– Он наконец-то согласился встретиться с...

– Знаешь, почему они врут? – перебил меня Шэй. – Потому что боятся, что ты взбесишься, если они скажут тебе правду.

– Какую правду?

– Это все управление сознанием. И у нас нет другого выбора, как подчиниться, потому что – а вдруг это единственный раз, когда действительно...

– Шэй, ты разговаривал с начальником или нет?

– Это он разговаривал со мной. Он сказал, что Верховный суд отклонил мою последнюю апелляцию, – ответил Шэй. – Казнь назначена на двадцать третье мая.

Я знал, что до перевода на наш ярус Шэй одиннадцать лет ожидал смертной казни. Вряд ли он сомневался, что это когда-нибудь произойдет. И теперь до этой даты оставалось всего два с половиной месяца.

– Уверен, им не хочется прийти и сказать: привет, мы забираем тебя, чтобы вслух зачитать твой смертный приговор. Чтобы я не взбесился, им проще сделать вид, что меня ведут в лазарет. Спорим, они обсуждали, как придут и заберут меня. Спорим, у них было совещание.

Я стал думать, что бы предпочел, будь это моя смерть, о которой объявили, как о поезде, отбывающем со станции. Захотел бы я услышать от тюремщика правду? Или же я счел бы милосердием быть избавленным от знания неизбежного, пусть даже на эти несколько минут перехода?

Ответ для себя я знал.

Я недоумевал, почему при мысли о казни Шэя Борна у меня в горле застрял комок, хотя мы были знакомы всего две недели.

– Мне очень жаль.

– Угу, – откликнулся он, – угу.

– Поли-ция! – выкрикнул Джои, и секунду спустя вошел надзиратель Смайт, а вслед за ним Уитакер.

Они отвели Крэша в камеру с душем. Расследование истории с нашим пьяным водопроводным краном, очевидно, не выявило ничего убедительного, помимо плесени в трубах, и нам вновь выделили время на личную гигиену. Но потом, вместо того чтобы покинуть первый ярус, Смайт потоптался на мостике и остановился перед камерой Шэя.

– Послушай, – начал Смайт, – на прошлой неделе ты мне кое-что сказал.

– Разве?

– Ты сказал, чтобы я заглянул внутрь. – Он помолчал. – Моя дочь была больна. Очень больна. Вчера врачи велели нам с женой попрощаться с ней. Я был вне себя от горя и ужасно разозлился. Вот я и схватил плюшевого мишку, которого мы брали с собой из дому в больницу, и разодрал его. Внутри он оказался набит скорлупками арахиса, а у нас и мысли не было заглянуть туда. – Смайт покачал головой. – Моя крошка не умирает, она даже не болела. Просто это аллергия. Но откуда ты узнал?

– Я не...

– Не важно.

Смайт засунул руку в карман и достал что-то небольшое, завернутое в фольгу. Это оказалось пышное шоколадное пирожное.

– Я принес его из дому. Моя жена их печет. Она хотела тебя угостить.

– Джон, нельзя давать ему контрабанду, – сказал Уитакер, оглядываясь через плечо на пульт управления.

– Это не контрабанда. Просто я... делюсь своим ланчем.

У меня потекли слюнки. В нашем меню шоколадных пирожных с орехами не было. Был только шоколадный кекс – раз в год как часть рождественского набора, в который входил также чулок с конфетами и двумя апельсинами.

Смайт передал пирожное через окошко в двери камеры. Встретившись с Шэем взглядом, он кивнул и ушел вместе с Уитакером.

– Эй, смертник, – позвал Кэллоуэй, – за половину этого дам тебе три сигареты.

– Меняю на целую пачку кофе, – предложил Джои.

– Он не собирается тратить это на тебя, – возразил Кэллоуэй. – Получишь кофе и четыре сигареты.

Тексас и Поджи тоже присоединились. Они меняются с Шэем на CD-плеер. Журнал «Плейбой». Рулон скотча.

– Одна шестнадцатая унции мета, – объявил Кэллоуэй. – Окончательное предложение.

«Братство» наварило немало денег на обмене метамфетамина в тюрьме штата Нью-Гэмпшир. Видимо, Кэллоуэю сильно приспичило съесть это пирожное, раз он решил пожертвовать собственной заначкой.

Насколько мне было известно, появившись на нашем ярусе, Шэй ни разу не пил кофе. Я понятия не имел, курит ли он и употребляет ли наркотики.

– Нет, – ответил Шэй. – Всем вам говорю: нет.

Прошло несколько минут.

– Господи, я все еще чую его запах! – простонал Кэллоуэй.

Дайте скажу: я не преувеличиваю, когда говорю, что нам пришлось несколько часов кряду вдыхать этот аромат. Он был восхитительный! В три часа ночи, когда я пробудился из-за привычной для меня бессонницы, запах шоколада был настолько сильным, что могло показаться, будто пирожное находится в моей камере, а не у Шэя.

– Почему бы тебе не съесть эту чертову штуку? – пробубнил я.

– Потому что, – ответил Шэй, бодрствующий, как и я, – тогда мне нечего будет предвкусывать.

Мэгги

Было много причин, почему я любила Оливера, но первая и главная заключалась в том, что моя мать терпеть его не могла. Каждый раз, приходя ко мне в гости, она говорила об этом.

Он такой грязный. От него одни неприятности. Мэгги, если ты от него избавишься, сможешь найти Кого-то.

Этот *Кто-то* был врачом вроде того анестезиолога из Медицинского центра Дартмут-Хичкок. Когда нас познакомили, его интересовало, согласна ли я, что закон против заочки детского порно является посягательством на гражданские права. *Кто-то* был сыном кантора, при этом уже фактически пять лет состоял в моногамных гомосексуальных отношениях, но до сих пор не удосужился сказать об этом родителям. *Кто-то* был младшим партнером в бухгалтерской фирме, занимавшейся налогами моего отца. На нашем первом и единственном свидании он спросил, всегда ли я была такой большой девочкой.

Оливер, напротив, знал, в чем я нуждаюсь и когда именно. Вот почему стоило мне в то утро встать на напольные весы, как он выскочил из-под кровати, где усердно грыз провод от будильника, и уселся прямо мне на ступни, чтобы я не смогла увидеть показания.

– Эй, отлично придумано, – одобрила я, сходя с весов и стараясь не замечать цифры, мелькнувшие красным цветом, перед тем как исчезнуть.

Наверняка причиной появления там семерки было то, что Оливер сел на весы. Кроме того, задумай я составить официальный протест против этого, то написала бы, что (а) четырнадцатый размер не такой уж большой, (б) четырнадцатый размер в Штатах соответствует шестнадцатому в Лондоне, так что в каком-то смысле я хуже, чем была бы, родись я британкой, и (в) вес на самом деле не так уж важен, пока человек здоров.

Ладно, может быть, я недостаточно тренируюсь. Но когда-нибудь начну – по крайней мере, это я сказала матери, королеве фитнеса, – как только все люди, от имени которых я неустанно работаю, будут полностью, безоговорочно спасены. Я сказала ей (и всем прочим, развесившим уши), что главная задача Американского союза защиты гражданских свобод – помочь людям занять четкую позицию по какому-то вопросу. К несчастью, единственными позициями, которые признавала моя мать, были «поза голубя», «воин два» и прочие асаны йоги.

Я влезла в чистые джинсы. Если честно, я стираю их не часто, поскольку они садятся при сушке и мне полдня приходится мучиться, пока они не растянутся до удобного размера. Выбрав свитер, который не обтягивал бы валик жира под бюстгалтером, я повернулась к Оливеру:

– Что скажешь?

Он опустил левое ухо, что можно было бы истолковать так: «Почему тебя это волнует, если ты снимешь все, чтобы надеть купальный халат?»

Как обычно, он был прав. Немного сложно скрыть недостатки, когда на тебе ничего нет.

Он пошел за мной на кухню, где я наполнила нам обоим миски кроличьей едой. Для него в буквальном смысле, а для меня – хлопьями «Спешл-кей». Потом он запрыгал к своему лотку рядом с клеткой, где спал целыми днями.

Я назвала своего кролика в честь Оливера Уэнделла Холмса-младшего, знаменитого в прошлом веке члена Верховного суда, известного как Великий Диссидент. Однажды он сказал: «Даже собака поймет разницу между тем, когда ее пинают или спотыкаются об нее». Так же и кролики. Собственно говоря, и мои клиенты.

– Не делай того, чего не стала бы делать я, – предупредила я Оливера. – В том числе не грызи ножки кухонных табуретов.

Взяв ключи, я направилась к «тойоте-приус». В прошлом году почти все мои сбережения ушли на этот гибридный автомобиль. Говоря по правде, не понимаю, почему производители машин повышают страховой взнос для покупателей с зачатками общественного сознания. Это не полноприводник, а значит – настоящая головная боль зимой в Нью-Гэмпшире. Но я рассудила, что спасение озонового слоя стоит того, чтобы время от времени скатываться с дороги.

Мои родители переехали в Линли, городок в двадцати шести милях от Конкорда, семь лет назад, когда отец получил должность раввина в Темпл-Бет-Ор. Прикол в том, что здания синагоги Темпл-Бет-Ор не существовало: реформистская община отца проводила ночные пятничные службы в кафетерии средней школы, потому что прежняя синагога сгорела дотла. Были планы собрать пожертвования на новую, но отец переоценил численность своей общины в Нью-Гэмпшире. Хотя он и уверял меня, что все склоняются к покупке земельного участка, я считала, что это вряд ли произойдет в обозримом будущем. Во всяком случае, пока его паства приобрела привычку слушать выдержки из Торы, и эти чтения перемежались одобрительными возгласами зрителей, следящими за баскетбольным матчем в спортивном зале, расположенном дальше по коридору.

Самым крупным спонсором, ежегодно отчислявшим взносы в отцовский фонд для постройки нового дома собраний, был «Хуцпа» – оздоровительный центр по гармонизации тела, разума и духа, расположенный в Линли и руководимый моей матерью. Хотя клиентура и не относилась к определенному вероисповеданию, мать приобрела известную репутацию в женских клубах при синагогах. Для того чтобы расслабиться и омолодиться, к ней приезжали постоянные клиенты из таких удаленных штатов, как Нью-Йорк, Коннектикут и даже Мэриленд. Для своих скрабов мать использовала соли Мертвого моря. Кухня на ее спа-курорте была кошерной. О ней писали «Бостон мэгэзин», «Нью-Йорк таймс» и «Лакшери спа-файндер».

В первую субботу каждого месяца я ездила в центр на бесплатный массаж, косметические процедуры для лица или педикюр. Подвох состоял в том, что после этого мне приходилось выдерживать обед с матерью. Мы довели процедуру до автоматизма. К тому времени, как нам приносили ледяной чай с маракуйей, мы успевали покончить с темой «почему ты не звонишь?». Салат сопровождался рассуждениями о том, что «я умру, так и не став бабушкой». Под закуску, соответственно, обсуждался мой вес. Нечего и говорить, что до десерта мы так и не добирались.

«Хуцпа» была белой. Не просто белой, а пугающе белой. Такой белой, что дух захватывало: белые ковры, белая плитка, белые халаты, белые тапочки. Я понятия не имею, как матери удавалось содержать салон в такой чистоте, если учесть, что, когда я росла, в доме всегда был уютный беспорядок.

Отец говорит, что Бог существует, хотя для меня это не бесспорный факт. Это не означает, что я не ценю чудес, как любой другой человек. Например, когда я подошла к конторке, администратор сказала, что моя мать не придет на обед, потому что в последнюю минуту у нее была назначена встреча с оптовым продавцом орхидей.

– Но она сказала, вам тем не менее можно принять процедуры, – пояснила администратор. – Вашим косметологом будет Диди, а ваш шкафчик под номером двести двадцать.

Я взяла халат и шлепанцы, которые мне вручили. Шкафчик номер двести двадцать был среди пятидесяти других, и несколько женщин среднего возраста снимали с себя одежду для занятия йогой. Я зашла в другую зону со шкафчиками, к счастью пустую, и переоделась в халат. Если кто-то пожаловался бы, что я вместо своего воспользовалась шкафчиком номер шестьсот шестьдесят четыре, мама вряд ли отреклась бы от меня. Я ввела код ключа 2358 и, собравшись с духом, постаралась не смотреть в зеркало, когда проходила мимо.

Мне мало что нравится в собственной внешности. В фигуре есть изгибы, но, кажется, не в тех местах. Волосы, копна темных кудряшек, могли бы придать мне сексуальности, но приходится распрямлять их. Я читала, что стилисты в шоу Опры распрямляют гостям такие шеве-

люры, как у меня, поскольку при съемке на камеру кудри добавляют человеку десять фунтов. А это значит, что даже волосы придают людям вроде меня избыточные размеры. Глаза у меня что надо – коричневатые в обычный день и зеленые, когда я в ударе. Но самое главное, они показывают ту мою часть, которой я горжусь, – мой интеллект. Я могу и не стать девушкой с обложки, но голова у меня хорошо варит.

Проблема в том, что не дождешься, пока кто-нибудь скажет: «Ух ты, зацени мозги у этой крошки!»

Отец всегда заставлял меня почувствовать себя особенной, но, глядя на мать, я удивлялась, почему не унаследовала ее тонкую талию и гладкие волосы. Ребенком я хотела быть похожей на нее, а став взрослой, перестала даже пытаться.

Вздыхнув, я вошла в зону с джакузи: белый оазис с белыми плетеными креслами, где в основном белые женщины дожидались вызова от физиотерапевтов, одетых в белое.

Диди, улыбаясь, появилась в безупречной курточке.

– Вы, должно быть, Мэгги, – сказала она. – Я узнала вас по описанию вашей матери.

Я не собиралась клюнуть на это и ответила:

– Приятно познакомиться.

Я не вполне понимала протокол этой части процедуры – здороваешься, а потом сразу же раздеваешься, чтобы к тебе прикоснулся совершенно чужой человек... и ты еще платишь за эту привилегию. Мне одной так кажется или эти спа-процедуры действительно имеют что-то общее с проституцией?

– Предвкушаете обертывание под Песнь песней?

– Скорее я бы согласилась на пломбирование зубного канала.

Диди ухмыльнулась:

– Ваша мама намекала, что вы скажете что-то в этом роде.

Если вам никогда не делали обертывания, знайте – это нечто необычайное. Вы лежите на подогреваемом столе, под гигантским лоскутом тонкой целлофановой пленки, и вы голая. Совершенно голая. Перед тем как начать скрести вас щеткой, косметолог прикрывает ваши половые органы тряпочкой размером с марлевую повязку. При этом у нее совершенно непроницаемое лицо, и невозможно понять, оценивает ли она своими пальцами индекс массы вашего тела. К вам приходит мучительное осознание своих физических данных, хотя бы просто потому, что кто-то экспериментирует непосредственно на вас.

Я заставила себя закрыть глаза и думать о том, что душ Виши даст мне почувствовать себя королевой, а не инвалидом на больничной койке.

– Диди, как давно вы этим занимаетесь? – спросила я.

Развернув полотенце, она держала его, как ширму, пока я переворачивалась на спину.

– Я работаю в спа уже шесть лет, а сюда устроилась совсем недавно.

– Значит, вы опытная, – сказала я. – Моя мать не нанимает любителей.

Она пожала плечами:

– Мне нравится встречаться с новыми людьми.

Мне тоже нравится встречаться с новыми людьми, но только когда они одеты.

– А чем занимаетесь вы? – поинтересовалась Диди.

– Моя мать вам не сказала?

– Нет... она лишь... – начала Диди, но вдруг замолчала.

– Что? Говорите.

– Она... гм... она велела мне сделать дополнительную обработку скрабом на основе морских водорослей.

– То есть она сказала, что мне потребуется двойная порция.

– Она не...

– Она употребляла слово «цафтиг»?² – спросила я.

Диди благоразумно не ответила. Прищурившись, я подняла глаза к неяркой лампе под потолком, прислушалась к нескольким аккордам на фортепиано в записи Янни и вздохнула:

– Я юрист Американского союза защиты гражданских свобод.

– Правда? – Руки Диди замерли на моей ступне. – Вы когда-нибудь беретесь за дела... скажем, бесплатно?

– Как раз это я и делаю.

– Тогда вы должны знать об одном парне, смертнике... Шэе Борне. Я писала ему десять лет, начиная с восьмого класса, и это было частью моего задания по обществознанию. Верховный суд только что отклонил его последнюю апелляцию.

– Знаю, – сказала я. – Я составляла резюме от его имени.

Глаза Диди широко раскрылись.

– Так вы его адвокат?

– Ну... нет.

Я даже не жила в Нью-Гэмпшире, когда был осужден Борн, но в обязанности Американского союза защиты гражданских свобод входило составление благожелательных резюме для осужденных на смертную казнь. Когда у тебя есть своя позиция по определенному делу, но ты не принимаешь непосредственного участия в процессе, суд позволяет тебе законно высказывать свои соображения, если это поможет в принятии решения. Мои благожелательные резюме показывали, насколько отвратительна смертная казнь, называли ее жестоким и неконституционным наказанием. Я уверена, что судья, взглянув на мои труды, скорее всего отложил их в сторону.

– Неужели больше ничем нельзя помочь ему? – спросила Диди.

Суть состояла в том, что, раз уж последняя апелляция Борна была отклонена Верховным судом, ни один адвокат не смог бы почти ничего сделать, чтобы спасти его.

– А знаете что? Я займусь этим, – пообещала я.

Улыбнувшись, Диди укутала меня подогретыми одеялами, спеленав, как буррито, потом села рядом и запустила пальцы мне в волосы. Пока она массировала мою голову, у меня начали закрываться глаза.

– Они говорят, это не больно, – пробормотала Диди. – Смертельная инъекция.

Они – это правящие круги, законодатели, те, кто красноречием успокаивает свое чувство вины.

– Это потому, что никто не возвращается, чтобы рассказать, как было на самом деле, – заметила я.

Я подумала о Шэе Борне, которому сообщили новость о его неминуемой смерти, и представила, что лежу на столе вроде этого и меня усыпляют.

Вдруг мне стало трудно дышать. Слишком теплые одеяла, чересчур много крема на коже. Мне захотелось выбраться из этого кокона, и я замолотила руками и ногами.

– Тише-тише, – сказала Диди. – Постойте, я помогу. – Она сняла с меня одеяла и пленку и протянула мне полотенце. – Ваша мама не говорила, что у вас клаустрофобия.

Я приподнялась, дыша полной грудью.

Конечно не говорила, подумала я, потому что именно она меня душит.

² Пышная, соблазнительная (*идиши*).

Люций

Стоял ранний вечер, приближалось время пересменки, и на первом ярусе было относительно спокойно. Я весь день лежал с высокой температурой, то впадая в забытие, то просыпаясь. Кэллоуэй, обычно игравший со мной в шахматы, предложил сегодня партию Шэю.

– Слон идет на А6! – выкрикнул Кэллоуэй.

Фанатичный расист, он играл, как гроссмейстер, лучше всех, кого я встречал.

Весь день Бэтмен-Робин восседал в его нагрудном кармане, крошечный комочек, не больше кулька карамелек. Иногда птенец заползал Кэллоуэю на плечо и клевал шрамы на его бритой голове. В другое время Рис держал Бэтмена внутри книги в мягкой обложке «Противостояние», которую он приспособил в качестве тайника. Начиная с шестой главы Кэллоуэй украденным бритвенным лезвием вырезал в толще страниц квадрат, и получилось углубление, которое он застелил тряпочками, чтобы сделать постельку. Дрозд питался картофельным пюре. Кэллоуэй выменивал лишние порции на драгоценную липкую ленту, бечевку и даже самодельный ключ от наручников.

– Эй! – сказал Кэллоуэй. – Мы не заключили пари на эту игру.

Крэш рассмеялся:

– Даже Борн не такой тупой, чтобы заключать с тобой пари, когда он проигрывает.

– Что у тебя есть такого, что нужно мне? – спросил вдруг Кэллоуэй.

– Интеллект? – предположил я. – Здравый смысл?

– Отвали, чувак. – Кэллоуэй на миг задумался. – Шоколадное пирожное. Хочу это чертово пирожное.

Пирожное пролежало у Шэя уже два дня. Я сомневался, что оно полезет Кэллоуэю в глотку. Больше всего его привлекала возможность отобрать это пирожное.

– Хорошо, – откликнулся Шэй. – Конь на G6.

Я приподнялся на койке:

– Хорошо? Шэй, да он оставит тебя без штанов.

– Как так выходит, Дефрен, что играть ты не можешь, потому что болен, но при этом во все суешь свой нос?! – возмутился Кэллоуэй. – Это между мной и Борном.

– А если выиграю я? – спросил Шэй. – Что я получу?

– Этого не будет, – рассмеялся Кэллоуэй.

– Птичка.

– Я не отдам тебе Бэтмена...

– Тогда я не дам тебе пирожное.

Повисла тишина.

– Отлично, – сказал Кэллоуэй. – Если выиграешь, получишь птицу. Но ты не выиграешь, потому что мой слон идет на D3. Считай, что тебя поймали.

– Ферзь на H7, – отозвался Шэй. – Шах и мат.

– Что?! – вскрикнул Кэллоуэй.

Я внимательно всматривался в воображаемую шахматную доску – ферзь Шэя появился ниоткуда, спрятавшись за конем. Кэллоуэю некуда было идти.

В этот момент дверь на ярус открылась, впуская двоих офицеров в бронежилетах и шлемах. Они направились к камере Кэллоуэя и, выведя его на галерею, пристегнули наручниками к металлической штанге вдоль дальней стены.

Нет ничего хуже обыска в камере. Все, что у нас здесь было, – это наши вещи. И то, что в них копались, являлось грубым вторжением в личное пространство. Когда это случалось, ты легко мог потерять лучшую заначку – будь то наркота, выпивка, шоколад, художественные

принадлежности или спираль из канцелярских скрепок, сделанная для нагревания растворимого кофе.

Охранники пришли с фонарями и зеркалами на длинных ручках и принялись систематически все обследовать. Обычно они обшаривали трещины на стенах, вентиляционные трубы, водопровод. Проверяли, не спрятано ли что-то в шариковых дезодорантах. Встряхивали баночки с присыпкой, чтобы по звуку определить, что может быть внутри. Принюхивались к флаконам с шампунем, вскрывали конверты и вынимали из них письма. Срывали с койки простыни и ощупывали матрасы в поисках дыр или вспоротых швов.

А между тем приходилось быть свидетелем всего этого.

Я не видел, что происходило в камере Кэллоуэя, но по его реакции мог о многом догадаться. Когда проверяли его одеяло – нет ли выдернутых нитей, – он закатил глаза. Когда с конверта отодрали марку, под которой оказалась «черная смола», на его скулах заиграли желваки. Но когда осматривали его книжную полку, Кэллоуэй вздрогнул. Я не смог разглядеть небольшой бугорок в его нагрудном кармане, то есть птичку, и понял, что Бэтмен-Робин сейчас где-то в камере.

Надзиратель взял в руки «Противостояние». Зашелестели страницы, хрустнул корешок, книга ударилась о стену камеры.

– Что это? – спросил он, обратив внимание не на дрозда, которого отбросило в дальний угол, а на нежно-голубые лоскутки, опустившиеся у его ног.

– Пшик, – ответил Кэллоуэй, однако офицер не поверил ему на слово.

Поворошив лоскутки и ничего не найдя, надзиратель конфисковал книгу с вырезанным в ней тайником.

Уитакер сказал что-то об отчете, но Кэллоуэй его не слушал. Не припомню, чтобы видел его таким невменяемым.

Едва его впустили в камеру, как он рванулся к птичке. Раздался какой-то первобытный вой – жестокий человек заплакал.

Послышался треск, отвратительный хруст, словно по камере пронесся разрушительный вихрь, – Кэллоуэй Рис расшвыривал все по сторонам.

Наконец, обессилив, он опустился на пол, баюкая мертвого птенца:

– Как же так, как же так...

– Рис, – заговорил Шэй, – мне нужен мой приз.

Я резко повернул голову. Вряд ли Шэй был настолько тупым, чтобы восстанавливать против себя Кэллоуэя.

– Что? – задохнулся Кэллоуэй. – Что ты сказал?

– Мой приз. Я выиграл партию в шахматы.

– Не сейчас, – зашипел я.

– Нет, сейчас, – возразил Шэй. – Уговор так уговор.

Здесь принято держать слово, и Кэллоуэй – с его уязвимостью члена «Арийского братства» – понимал это лучше любого другого.

– Попробуй только высунуться из своей клетки, – процедил он. – Когда представится случай, я так тебя уделаю, что родная мама не узнает.

Но, даже угрожая Шэю, Кэллоуэй осторожно завернул мертвую птичку в лоскуток и прикрепил крошечный сверток к концу своей удочки.

Когда дрозд добрался до меня, я втащил его через трехдюймовый просвет под дверь камеры. Птенец казался полуживым. Голубые глаза под просвечивающими опущенными веками, одно крыло вывихнуто назад, шея свернута набок.

Шэй тоже забросил удочку, с грузилом из расчески. Я видел, как его руки бережно подтянули лоскутный сверток. Фонари на галерее замигали.

Я часто представлял, что же произошло тогда. Взглядом художника мне нравилось рисовать себе Шэя, сидящего на койке с крошечной птичкой в ладонях. Я воображал нежность человека, так сильно тебя любящего, что ему неважно видеть, как ты спишь, – и ты просыпаешься от его прикосновения. В конце концов, не имеет большого значения, как Шэй сделал это. Важен результат: мы все услышали тоненькую трель дрозда, потом Шэй подтолкнул воскресшую птичку под дверь своей камеры на галерею, и она поскакала прямо к протянутой руке Кэллоуэя.

Джун

Если ты мать, то, глядя в лицо своего подросткового ребенка, можешь увидеть вместо этого личико младенца в обрамлении кружевного одеяла. Можно смотреть, как одиннадцатилетняя дочь покрывает ногти лаком, и вспоминать, как она, бывало, цеплялась за твою руку, собираясь перейти улицу. Можно выслушивать слова врача о том, что настоящая опасность таится в подростковом возрасте, потому что неизвестно, как отреагирует сердце на резкое увеличение темпов развития, – и можно сделать вид, что до этого еще целая вечность.

– Лучшие два из трех, – сказала Клэр, снова высовывая кулак из складок больничной рубахи.

Я тоже подняла руку:

– Камень-ножницы-бумага, стреляй.

– Бумага, – улыбнулась Клэр. – Я выиграла.

– Вовсе нет, – возразила я. – Эй? Ножницы?

– Забыла сказать, что идет дождь и ножницы заржавели, так что подсунь под них бумагу и унеси прочь.

Я рассмеялась. Клэр слегка пошевелилась, стараясь не сдвинуть трубки и провода.

– Кто покормит Дадли? – спросила она.

Дадли – наш тринадцатилетний спрингер-спаниель; он, как и я, был ниточкой, связывающей Клэр с ее покойной сестрой. Клэр, конечно, не знала Элизабет, но обе они росли, вешая бусы из искусственного жемчуга на шею Дадли, наряжая его, как сестренку, которой у каждой из них никогда не было.

– Не беспокойся о нем, – сказала я. – Если понадобится, я позову миссис Моррис.

Кивнув, Клэр бросила взгляд на часы:

– Думаю, они должны уже были вернуться.

– Знаю, детка.

– Почему, по-твоему, так долго?

На этот вопрос было много ответов, но мне на ум приходил один: что в какой-то другой больнице, за два округа отсюда, другой матери пришлось попрощаться со своим ребенком, чтобы у меня появился шанс спасти своего.

Официально заболевание Клэр называлось «дилатационная кардиомиопатия». Оно поражало двенадцать миллионов детей в год. При этом заболевании полость сердца увеличена и растянута и сердце не в состоянии эффективно качать кровь. Невозможно излечить или остановить эту болезнь, но, если повезет, можно с ней жить. Если же не повезет, то человек умирает от застойной сердечной недостаточности. Семьдесят девять процентов случаев вызваны неизвестной причиной. Одни специалисты объясняют возникновение этого заболевания миокардитом и прочими вирусными инфекциями, перенесенными в младенчестве, другие считают, что оно наследуется от родителя, являющегося носителем дефектного гена. Я всегда полагала, что у Клэр второй случай. Ребенок, появившийся на свет в атмосфере горя, должен был родиться с больным сердцем.

Поначалу я не знала, что дочь больна. Она уставала быстрее других детей, но я сама, все еще находясь в заторможенном состоянии, не замечала этого. И только в пять лет, когда ее госпитализировали с сильным гриппом, был поставлен диагноз. Доктор Ву сообщил, что у Клэр слабая аритмия, которая может пройти. Он назначил ей каптоприл, лазикс, ланоксин и сказал, что нужно подождать.

В первый день учебы в пятом классе Клэр пожаловалась, что у нее ощущение, будто она проглотила колибри. Я предположила, что это волнение по поводу начала занятий. Но пару часов спустя, подойдя к классной доске, чтобы решить задачу по математике, она поте-

ряла сознание. Прогрессирующая аритмия заставила сердце учащенно биться, и оно не смогло выталкивать кровь. А эти баскетболисты, кажущиеся такими здоровыми и падающие замертво на площадке? Это была фибрилляция желудочков, и она произошла у Клэр. Ей сделали операцию и вживили кардиостимулятор – крошечную скорую помощь, размещенную прямо на сердце и устраняющую возможные аритмии электрошоком. Клэр включили в список на трансплантацию.

Трансплантация – мудреная вещь. Ты получаешь сердце, и начинается отсчет времени, но, вопреки общему мнению, это не означает хеппи-энда. Ждать трансплантата слишком долго, когда начнут отказывать другие системы организма, никому не хочется. Но даже сам трансплантат не является чудом – большинство реципиентов выдерживают новое сердце всего десять-пятнадцать лет, а потом начинаются осложнения или происходит полное отторжение. И все же, по словам доктора Ву, через пятнадцать лет мы сможем приобрести сердце, готовое к эксплуатации, по лучшей цене... Суть его изречения состояла в том, чтобы продлить Клэр жизнь и она смогла бы воспользоваться медицинскими инновациями.

В то утро пейджер, который мы постоянно носили с собой, завибрировал.

«У нас есть сердце, – сказал доктор Ву, когда я позвонила. – Встретимся в больнице».

Последние шесть часов Клэр отмывали, кололи, обследовали, то есть готовили к операции, чтобы к тому моменту, как в изотермическом контейнере доставят чудесный орган, она смогла сразу попасть в операционную. Наступил момент, которого я ждала и страшилась всю жизнь.

Что, если... Я даже не позволяла себе произнести эти слова.

Я просто взяла Клэр за руку и переплела наши пальцы.

Бумага и ножницы, подумала я. Мы сейчас между молотом и наковальней.

Я посмотрела на веер ее ангельских волос на подушке, на бледно-голубой оттенок кожи – на мою девочку, для которой даже ее худенькое тело казалось непосильной ношей. Иногда, глядя на нее, я видела не ее – мне казалось, она...

– Какая она, по-твоему?

Вздвогнув, я заморгала:

– Кто?

– Девочка. Та, что умерла.

– Клэр, давай не будем об этом говорить.

– Почему? Разве мы не должны все о ней знать, если она будет частью меня?

Я прикоснулась к ее голове:

– Мы не знаем даже, девочка ли это.

– Конечно девочка, – откликнулась Клэр. – Ужасно, если у меня будет сердце мальчика.

– Не думаю, что пригодность оценивают исходя из этого.

– А должны бы, – поежилась она и заерзала в постели, чтобы устроиться повыше. – Думаешь, я стану другой?

Наклонившись, я поцеловала дочь:

– Ты очнешься и останешься все той же девочкой, не желающей прибрататься в своей комнате, погулять с Дадли или выключить свет, когда спускаешься вниз.

Так или иначе, я сказала Клэр именно это. Но услышала лишь два первых слова: «Ты очнешься».

В палату вошла медсестра.

– Нам только что сообщили, что началась подготовка донорского органа, – произнесла она. – Скоро мы получим более подробную информацию. Доктор Ву разговаривает по телефону с командой врачей.

После того как она ушла, мы с Клэр сидели в молчании. Вдруг все стало реальным. Хирурги были готовы раскрыть грудь Клэр, остановить ее сердце и пришить новое. Мы

обе слышали разъяснения многочисленных врачей по поводу рисков и шансов, мы знали, насколько редко встречаются детские доноры. Клэр вся сжалась, натянула одеяло на нос.

– Если я умру, – сказала она, – как думаешь, я стану святой?

– Ты не умрешь.

– Нет, умру. И ты тоже. Просто со мной это может случиться раньше.

Я с трудом сдерживалась, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Вытерла их краем больничной простыни. Клэр дотронулась кулачком до моих волос, как делала это в раннем детстве.

– Спорим, мне это понравится, – сказала Клэр. – Быть святой.

Она постоянно читала, и в последнее время ее восхищение Жанной д'Арк перенеслось на всех страждущих существ.

– Ты не будешь святой.

– Но ты ведь не знаешь этого наверняка, – возразила Клэр.

– Прежде всего ты не католичка. И, кроме того, все они умерли страшной смертью.

– Это не всегда так. Тебя могут убить, пока ты здоров, и это важно. Святая Мария Горетти была моего возраста, когда сопротивлялась парню, пытавшемуся ее изнасиловать. Она была убита и стала святой.

– Это ужасно, – сказала я.

– Святой Барбаре выкололи глаза. А ты знала, что существует святой покровитель сердечных больных? Иоанн Божий.

– Вопрос в том, откуда ты знаешь, что есть покровитель сердечных больных?

– А то! – ответила Клэр. – Я читала о нем. Это все, что ты разрешаешь мне делать. – Она откинулась на подушки. – Спорим, святой может играть в софтбол.

– Так же, как и девочка с пересаженным сердцем.

Но Клэр не слушала, поскольку, всю жизнь глядя на меня, усвоила, что надежда подобна призрачному дыму.

– Наверное, я буду святой, – посмотрев на часы, сказала она, словно это было полностью в ее власти. – Тогда никто не забудет тебя, когда тебя не станет.

Похороны полицейского – поразительная вещь. Из каждого города штата и даже из более отдаленных мест приезжают офицеры, пожарные и чиновники. Перед катафалком едет процессия патрульных машин. Они, словно снег, покрывают шоссе.

Я долго вспоминала похороны Курта, потому что в свое время изо всех сил старалась сделать вид, что этого не было. Шеф полиции Ирвин поехал со мной на службу у могилы. Вдоль улиц Линли стояли горожане с самодельными плакатами, на которых было написано: «СЛУЖИТЬ И ЗАЩИЩАТЬ» и «ВЕЛИКАЯ ЖЕРТВА». Было лето, и каблуки моих туфель увязали в асфальте. Меня окружали полицейские, работавшие с Куртом, и сотни тех, кто с ним не работал, – целое море синего. У меня разболелась спина и опухли ноги. Я поймала себя на том, что стараюсь сконцентрироваться на кусте сирени, трепетавшем от ветра. С него дождем сыпались лепестки цветков.

Шеф полиции организовал салют из двадцати одного ружейного залпа, а когда залпы стихли, над отдаленными фиолетовыми горами поднялись пять истребителей. Они прорезали небо параллельными линиями, а потом, пока они летели у нас над головой, крайний справа самолет оторвался от остальных и взмыл в небо, направляясь на восток.

Когда священник перестал говорить – я не услышала ни слова... что он мог рассказать мне о Курте, чего я не знала? – вперед выступили Робби и Вик. Они были ближайшими друзьями Курта из отделения. Как и у всех полицейских Линли, их жетоны были обрамлены черной тканью. Они взялись за флаг, прикрывающий гроб с телом Курта, и принялись складывать его. Их руки в перчатках двигались так быстро, что я подумала о Микки-Маусе и Дональде

Даже с их огромными белыми кулаками. Потом Робби вложил треугольник мне в руки – своего рода опора, то, что могло в какой-то степени занять место Курта.

Сквозь шум от полицейских раций пробился голос диспетчера: «Всем подразделениям приготовиться к трансляции. Последнее донесение для офицера Курта Нилона, номер сто сорок четыре. Сто сорок четыре, явиться на Уэст-Мэйн, триста шестьдесят, для выполнения последнего задания».

Это был адрес кладбища.

«Ты переходишь в наилучшие руки. Нам будет очень тебя не хватать... Сто сорок четыре... десять-семь».

Радиокод для окончания смены.

Мне говорили, что после я подошла к гробу Курта. Гроб был сильно отполирован, и я увидела в нем собственное отражение, сжатое и незнакомое. Гроб был специально сделан шире обычного, чтобы в нем поместилась Элизабет.

В свои семь лет она по-прежнему боялась темноты, и Курт, бывало, ложился рядом с ней – этаким слон среди розовых подушек и атласных одеялец, – пока она не уснет, а потом выползал из комнаты и выключал свет. Иногда она с криками просыпалась среди ночи. «Ты его выключила», – рыдала она, уткнувшись мне в плечо, словно я разбила ей сердце.

Распорядитель похорон позволил мне проститься с ними. Курт крепко обнимал мою дочь, Элизабет положила голову ему на грудь. Они выглядели точно так, как теми ночами, когда Курт засыпал сам, дожидаясь, когда заснет Элизабет. Они выглядели так, как хотелось бы выглядеть мне: спокойными и умиротворенными. Предполагалось, что меня должно утешать то, что они вместе. Предполагалось, что это компенсирует тот факт, что я не могу уйти вместе с ними.

– Позаботься о ней, – прошептала я Курту, и сверкающая полировка чуть запотела от моего дыхания. – Позаботься о моей малышке.

И словно я позвала ее, внутри меня зашевелилась Клэр: медленные толчки хрупких ножек, напоминание о том, почему я должна остаться.

Было время, когда я молилась святым. Мне особенно нравилось непритязательное начало их жизни: когда-то они были людьми, и я знала, что они обрели святость совсем не так, как Иисус. Они понимали, что такое разбитые надежды, нарушенные обещания или поруганные чувства. Моей любимой была святая Тереза – та самая, которая считала, что человек может быть совершенно обычным, но великая любовь способна его возвысить. Правда, это было давно. Жизнь умеет расставить все по своим местам и показать человеку, что он обращает внимание на неправильные вещи. Вот тогда я призналась себе, что скорее умерла бы, чем родила ребенка, которому приходится бороться за свою жизнь.

За последние месяцы аритмия Клэр усугубилась. Ее кардиостимулятор срабатывал по шесть раз в сутки. Мне объяснили, что, когда он срабатывает, это ощущается как электрический разряд. Он запускает сердце, но это очень больно. Раз в месяц – это еще куда ни шло, раз в сутки – ослабляет здоровье. А у Клэр, с ее частотой...

Существуют группы поддержки для взрослых с кардиостимуляторами. Ходят рассказы о людях, которые предпочитают жить, рискуя умереть от аритмии, чем знать наверняка, что рано или поздно получат электрошок от устройства. На прошлой неделе я застала Клэр в палате за чтением «Книги рекордов Гиннесса».

– За тридцать шесть лет Роя Салливана семь раз била молния, – прочитала она. – В конце концов он покончил с собой.

Подняв рубашку, она опустила взгляд на шрам у себя на груди.

– Мапочка, – принялась умолять она, – пожалуйста, пусть они его отключат.

Я не знала, насколько у меня хватит сил уговаривать Клэр остаться со мной, раз уж все так получилось.

Открылась дверь в палату, и мы с Клэр сразу же обернулись. Мы ждали медсестру, но это был доктор Ву. Усевшись на край кровати, он обратился прямо к дочери, как будто ей было не одиннадцать, а столько, сколько мне.

– С сердцем, которое мы предназначали для тебя, что-то не так. Хирурги узнали об этом, только когда забрались внутрь... правый желудочек расширен. Если он сейчас не заработает, есть вероятность, что после пересадки сердца будет только хуже.

– Значит, оно не подходит? – спросила Клэр.

– Да. Когда мы пересадим тебе новое сердце, я хочу, чтобы это было самое здоровое сердце на свете, – объяснил врач.

Я оцепенела:

– Я... я не понимаю.

Доктор Ву повернулся ко мне:

– Мне жаль, Джун. Сегодня не ваш день.

– Но на поиски другого донора могут уйти годы... – сказала я и не закончила фразу, так как знала, что Ву все услышал: «Клэр может не дожидаться».

– Будем надеяться на лучшее, – ответил он.

После его ухода мы несколько мгновений подавленно молчали. Неужели я это сделала? Неужели страх, который я пыталась скрыть, – страх того, что Клэр не перенесет операцию, – каким-то образом просочился в реальность?

Клэр принялась стаскивать с груди кардиомониторы.

– Ну что ж... – начала она, и я почувствовала, как прерывается ее дыхание в попытке не заплакать. – Эта суббота прошла совсем впустую.

– Знаешь, – сказала я, стараясь говорить ровным голосом, – тебя называли в честь святой.

– Правда?

Я кивнула:

– Она основала женский монашеский орден, известный как клариссинки.

Клэр взглянула на меня:

– Почему ты выбрала ее?

Потому что в день твоего рождения медсестра, которая принесла тебя мне, покачала головой и сказала: «Она такая светленькая». Так оно и было. И я назвала тебя в честь святой Клары. Я хотела, чтобы ты с самого начала была под ее защитой.

– Мне нравилось, как звучит это имя, – солгала я, помогая Клэр надеть рубашку.

Мы выйдем из больницы, возможно, заглянем в кафе и выпьем по шоколадному коктейлю, а потом посмотрим фильм со счастливым концом. Сделаем вид, что это обычный день. А после того как она уснет, я зарежусь лицом в подушку, дав волю чувствам, которые скрывала в присутствии дочери: стыд от сознания того, что Клэр живет со мной на пять лет дольше, чем прожила Элизабет; чувство вины оттого, что испытала облегчение, когда пересадка не состоялась, поскольку это могло как спасти Клэр, так убить и ее.

Клэр засунула ноги в высокие розовые кеды «Конверс».

– Может быть, я стану клариссинкой.

– Но все же ты не можешь стать святой, – сказала я.

И добавила про себя: «Потому что я не позволю тебе умереть».

Люций

Вскоре после того, как Шэй воскресил Бэтмена-Робина, Крэш Витале поджег себя.

Он смастерил самодельную спичку, как делаем все мы: снимаешь флуоресцентную лампу с держателя и подносишь ее металлические контакты близко к розетке, чтобы образовалась электрическая дуга. Сунь в этот зазор кусок бумаги, и получится факел. Крэш смял страницы из журнала и разложил их вокруг себя. Когда Тексас начал звать на помощь, галерея уже заполнилась дымом. Надзиратели открыли дверь камеры Крэша и направили на него мощную струю воды из шланга. Мы слышали, как этой струей Крэша ударило о дальнюю стену. Его, вымокшего насквозь, привязали к каталке – спутанные волосы, безумные глаза.

– Эй, Зеленая Миля, – вопил он, пока его увозили с яруса, – как это вышло, что ты меня-то не спас?

– Потому что птица мне нравится, – пробубнил Шэй.

Я рассмеялся первым, потом захихикал Тексас. Джои – тоже, но лишь потому, что не было Крэша, который их заткнул бы.

– Борн... – произнес Кэллоуэй первое слово с того момента, как птичка вернулась к нему в камеру. – Спасибо.

Повисло молчание.

– Она заслуживала еще одного шанса, – сказал Шэй.

Дверь на галерею со скрежетом открылась, и на этот раз появились надзиратель Смайт и медсестра с вечерним обходом. Сначала Алма зашла ко мне в камеру, подавая стаканчик с пилюлями.

– Судя по запаху, кто-то готовил здесь барбекю и забыл меня пригласить, – сказала она и дождалась, пока я не положу таблетки в рот и не запью водой. – Хорошего сна, Люций.

Она ушла, и я встал у двери. По цементному помосту текли ручейки воды. Вместо того чтобы уйти с яруса, Алма остановилась у двери Кэллоуэя:

– Заключение Рис, позволишь мне взглянуть на твою руку?

Кэллоуэй ссутулился, закрывая птичку. Все мы знали, что он держит в ладони Бэтмена, и разом затаили дыхание. Вдруг Алма увидит птицу? Донесет ли она на него?

Я мог бы догадаться, что Кэллоуэй не даст этому случиться, – он шуганул бы Алму, не позволив ей приблизиться. Но не успел он заговорить, как мы услышали нежное щебетание – и из камеры не Кэллоуэя, а Шэя. Раздалось ответное чириканье – дрозд искал товарища.

– Какого дьявола здесь творится? – оглядываясь по сторонам, спросил надзиратель Смайт. – Откуда эти звуки?

Вдруг из камеры Джои долетел посвист, а затем тонкий писк из камеры Поджи. К своему удивлению, я услышал птичий щебет где-то рядом с моей койкой. Резко обернувшись, я бросил взгляд на вентиляционную решетку. Здесь что, поселилась целая колония дроздов? Или это Шэй – мало того что чародей, а вдобавок чревоушитель – подражает голосам птиц?

Охранник прошел вдоль яруса в поисках источника шума, присматриваясь к потолочным люкам, и заглянул в душевую.

– Смайт? – прозвучал по интеркому голос офицера с пульта управления. – Что происходит, черт побери?!

В месте, подобном этому, изнашивается все, и терпимость не исключение. Здесь сосуществование может сойти за прощение. Ты не пытаешься полюбить человека, вызывающего у тебя отвращение, ты просто свыкаешься с этим. Вот почему мы подчиняемся, когда нам велят раздеться. Вот почему мы снисходим до игры в шахматы с растлителем малолетних. Вот почему мы не позволяем себе плакать по ночам. Живи и дай жить другим, и в конечном счете этого бывает достаточно.

Это, возможно, объясняет, почему мускулистая рука Кэллоуэя с наклепкой из пластыря высунулась в окошко его двери. Удивленная Алма заморгала.

– Больно не будет, – пробормотала она, рассматривая новую розовую кожу там, где она была пересажена.

Достав из кармана латексные перчатки, Алма натянула их на руки, ставшие такими же белыми, как у Кэллоуэя. И да будет вам известно – в тот самый миг, как медсестра прикоснулась к нему, странный шум прекратился.

Майкл

Священник должен ежедневно проводить мессу, даже если никто не приходит, хотя такого почти не бывало. В городе масштаба Конкорда в церкви всегда было хотя бы несколько прихожан, молящихся с четками в ожидании священника.

Я читал ту часть мессы, где творятся чудеса.

– «Сие есть тело Мое, которое за вас предается»³, – вслух произнес я, преклонил колена и поднял вверх гостию.

Следующим вопросом после: «Какого рожна Бог – это еще и Святая Троица?», который мне, как священнику, задавали не католики, был вопрос о пресуществлении – вера в то, что при освящении Святых Даров хлеб и вино действительно превращаются в тело и кровь Христа. Я понимал, почему многие сбиты с толку: если это правда, то нет ли в причастии чего-то людоедского? А если превращение действительно происходит, почему мы этого не видим?

Когда я ребенком ходил в церковь, задолго до того, как вернуться в ее лоно, то принимал причастие, как все прочие, особо не задумываясь над происходящим. Для меня это выглядело как крекер и чашка вина – и до и после освящения. Сейчас могу сказать, что это по-прежнему выглядит как крекер и чашка вина. Аспект чуда сводится к философии. Не акциденции предмета делают его таковым, а что-то более существенное. Человек остается человеком, даже лишившись конечностей, зубов или волос, но если он вдруг перестанет быть млекопитающим, то результат будет другим. Когда я во время мессы освящал гостию и вино, менялась сама суть этих вещей, а внешние свойства – форма, вкус, размер – оставались прежними. Точно так же как Иоанн Креститель, увидев человека, сразу понимал, что смотрит на Бога. Точно так же как мудрецы, увидев Младенца, знали, что Он наш Спаситель. Каждый день я держал в руках то, что выглядело как печенье и вино, но по сути было Иисусом.

Вот почему с этого момента мессы я не разжимал пальцев, пока не вымою руки после таинства евхаристии. Нельзя было потерять ни крупинки освященной гостии. Мы делали для этого все возможное, удаляя остатки причастия. Но в тот момент, когда я об этом подумал, облатка выскользнула из моей руки.

Я почувствовал то же самое, что в третьем классе во время финальных игр Малой лиги, когда смотрел, как мяч слишком быстро и высоко летит в мой угол левой половины поля, с замиранием сердца понимая, что не поймаю его. Оцепенев, я наблюдал, как облатка благополучно падает в чашу с вином.

– Правило пяти секунд, – пробормотал я, опустив руку в чашу и выловив облатку.

Облатка успела частично пропитаться вином. Я с изумлением смотрел, как на ней вырывается челюсть, ухо, бровь.

У отца Уолтера бывали видения. Он говорил, что главной причиной его решения стать священником было вот что: как-то, когда он был служкой, статуя Иисуса потянула его за одежду, веля ему придерживаться намеченного пути. Позже, когда он жарил форель на своей кухне, ему явилась Мария, и вдруг рыбешки начали подскакивать на сковороде. «Не позволяй ни одной упасть на пол», – предупредила она и исчезла.

Сотни священников выделялись чем-то в своем призвании, но никогда не достаивались подобного Божественного заступничества – и все же мне не хотелось оказаться в их числе. Как и подростки, с которыми я работал, я понимал потребность в чудесах – они не позволяют действительности парализовать нас. Итак, я уставился на облатку в надежде, что намеченные вином черты воплотятся в портрет Иисуса... а вместо этого поймал себя на том, что смотрю на что-то совершенно иное. Всклокоченные темные волосы, которые пристало иметь скорее

³ Лк. 22: 19.

барабанщику из группы гранж-рока, чем священнику, нос, сломанный на соревновании по борьбе в неполной средней школе, и небритые щеки. На поверхности облатки с изысканностью гравюры был запечатлен мой портрет.

«Что моя голова делает на теле Христа?» – подумал я, кладя на дискос облатку темно-фиолетового цвета, начавшую таять. Я поднял чашу.

– «Сие есть кровь Моя», – произнес я.

Джун

Когда Шэй Борн работал в нашем доме плотником, он сделал Элизабет подарок на день рождения. Это был небольшой ящик с крышкой на петлях, вырезанный вручную из отходов древесины за многие часы трудов за порогом нашего дома. Каждая сторона ящика была украшена замысловатой резьбой, изображающей разных фей, одетых в наряды по временам года. У Лета были яркие, как лепестки пиона, крылья и солнечная корона. Весна была покрыта вьющимися побегами, под ее ногами разворачивался свадебный шлейф цветов. Осень носила роскошные тона сахарных кленов и осин, на ее голове сидела шапочка в виде желудя. А Зима мчалась на коньках по льду озера, оставляя за собой искрящийся след. На крышке была раскрашенная картинка, изображающая луну, которая с раскинутыми руками поднимается сквозь сонм звезд навстречу невидимому пока солнцу.

Элизабет любила этот ящичек. В тот вечер, когда Шэй его подарил, она застелила его одеялами и улеглась там спать. Но мы с Куртом запретили ей делать это впредь. А если бы во время сна на нее упала крышка? И тогда Элизабет стала использовать ящичек как кровать для кукол, а потом игрушечный комод. Она дала феям имена. Иногда я слышала, как она разговаривает с ними.

После смерти Элизабет я вынесла ящик во двор, чтобы сломать. Я была тогда на восьмом месяце беременности. Сраженная горем, я размахивала топором Курта, но в последний момент не смогла этого сделать. Элизабет ценила эту вещь, и мне тяжело было бы ее потерять. Я отнесла ящик на чердак, где он пролежал много лет.

Я могла бы сказать, что забыла о нем, но это было бы ложью. Я знала, что он там, под грудой старых вещей, детской одежды и картин с разбитыми рамами. Однажды – Клэр тогда было около десяти – я застукала ее за попыткой спустить ящичек вниз.

– Он такой хорошенький, – запыхавшись, произнесла она. – И никто им не пользуется. Я прикрикнула на нее, велев пойти прилечь.

Но Клэр продолжала спрашивать о нем, и в конце концов я принесла ящик к ней в комнату и поставила в изножье кровати, совсем как было у Элизабет. Я не говорила ей, кто смастерил ящик. Но по временам, когда Клэр была в школе, я ловила себя на том, что заглядываю внутрь него, задаваясь вопросом: не жалеет ли, как и я, Пандора, что не исследовала сначала содержимого – страдание, хитро замаскированное под презент?

Люций

Обитатели первого яруса говорили, что я достиг в «ловле рыбки» настоящего мастерства. Мое снаряжение состояло из лески, сделанной из ниток, которые я припасал годами, и грузила в виде расчески или колоды карт, в зависимости от того, что я выуживал. Я был известен способностью закидывать удочку из моей камеры в камеру Крэша на дальнем конце яруса, а также в душевую, в противоположном его конце. Наверное, поэтому мне было любопытно посмотреть, когда свою удочку забросил Шэй.

Это было после «Одной жизни, чтобы жить», но перед Опррой. В это время большинство парней ложатся вздремнуть. Мне сильно нездоровилось. Болячки во рту не давали нормально говорить, и я буквально не слезал с горшка. Кожа вокруг глаз, пораженная саркомой Капоши, сильно вспухла, и я почти ничего не видел. Вдруг в узком зазоре под дверью моей камеры просвистела леска Шэя.

– Хочешь? – спросил он.

Мы удим для того, чтобы что-то получить. Мы обмениваемся журналами, обмениваемся едой, расплачиваемся за наркотики. Но Шэй ничего не просил, а только раздавал. К концу его лески был привязан кусочек жвачки «Базука».

Это контрабанда. Жвачку можно использовать в качестве замазки для разных поделок, и с ее помощью можно портить замки. Одному Богу известно, где Шэй раздобыл это сокровище – и, что еще более удивительно, почему он просто не припрятал его.

Я сглотнул, чувствуя, что горло вот-вот лопнет.

– Нет, спасибо.

Я приподнялся на койке и отогнул край матраса. Когда-то я хорошо поработал над одним из швов. Он был распорот и стягивался ниткой, которую я мог при необходимости ослабить и покопаться в пенопластовой набивке. Засунув внутрь указательный палец, я извлек свою нычку.

Там были таблетки «Эпивир ТриТиСи» и сустива. Ретровир. Ломотил от диареи. Все лекарства, которые я под наблюдением Алмы клал на язык и якобы проглатывал, хотя фактически заталкивал их за щеку.

Я пока еще не решил, воспользуюсь ими, чтобы убить себя, или просто продолжу копить, вместо того чтобы принимать, – более медленное, но верное самоубийство.

Забавно, что, умирая, все же пытаешься быть хозяином положения. Хочешь диктовать условия, хочешь выбрать дату. Стараешься убедить себя, что держишь ситуацию под контролем.

– Джои, – позвал Шэй, – попробуешь?

Он снова забросил леску, которая изогнулась дугой над площадкой.

– Честно? – спросил Джои.

Большинство из нас просто делали вид, что Джои здесь нет, – это было безопасней для него самого. Никто не лез вон из кожи, чтобы его заметить и тем более предложить нечто столь ценное, как кусочек жвачки.

– Я хочу, – потребовал Кэллоуэй.

Должно быть, он только что видел пролетевшее мимо сокровище, поскольку его камера находилась между Шэем и Джои.

– Я тоже, – заявил Крэш.

Шэй подождал, когда Джои возьмет жвачку, а затем осторожно подтянул леску ближе, чтобы ее смог достать Кэллоуэй.

– Здесь много.

– Сколько у тебя штук? – спросил Крэш.

– Всего одна.

Так вот, вы видели пластинку жвачки. Наверное, можно поделиться ею с другом. Но разделить одну пластинку между семью мужчинами?

Удочка Шэя метнулась влево, мимо моей камеры по пути к Крэшу.

– Возьми немного и передай дальше, – сказал Шэй.

– Может, я хочу все целиком.

– Может быть.

– Блин, забираю все! – заявил Крэш.

– Если тебе это нужно, – откликнулся Шэй.

Я встал, пошатываясь, и потом присел, увидев, как удочка Шэя добралась до камеры Поджи.

– Возьми немного, – предложил Шэй.

– Но Крэш забрал всю пластинку...

– Бери же.

Я услышал, как разворачивается бумага и Поджи мычит со ртом, набитым размягченной жвачкой:

– Я не пробовал жвачки с две тысячи первого.

Теперь я почувствовал ее запах. Розовая, сладкая. У меня потекли слюнки.

– Бог мой! – выдохнул Тексас, после чего все, кроме меня, продолжали молча жевать.

Леска Шэя с грузом ударилась о мои ступни.

– Попробуй, – настаивал он.

Я потянулся к кульку на конце лески. Поскольку то же самое уже проделали шестеро человек, я ожидал увидеть какие-то жалкие остатки, но, к моему удивлению, пластинка «Базуки» оказалась нетронутой. Я разломил жвачку пополам и положил кусочек в рот. Остальное завернул и потянул за леску Шэя, потом смотрел, как она понеслась обратно в его камеру.

Поначалу я с трудом это выносил – сладкий вкус раздражал болячки у меня во рту, как и острые края пластинки, пока она не размягчилась. Ну хоть плачь – так мне хотелось того, что принесет одно мучение, – я это знал. Я поднял руку, собираясь выплюнуть жвачку, когда случилось что-то невероятное: полость рта и горло перестали болеть, словно в жвачке было обезболивающее, словно я больше не был болен СПИДом, а стал обыкновенным человеком, купившим это лакомство на бензоколонке после заправки бака машины, готовый ехать далеко-далеко. Мои челюсти ритмично двигались. Я сел на пол камеры и, продолжая жевать, заплакал – не потому, что было больно, а потому что – не было.

Мы молчали так долго, что надзиратель Уитакер пришел посмотреть, чем мы заняты. И обнаружил он то, чего никак не ожидал увидеть. Семерых мужчин, впавших в детство, которого у них не было. Семерых мужчин, выдувающих яркие, как луна, пузыри из жвачки.

Впервые почти за полгода я всю ночь проспал крепким сном. Проснулся отдохнувшим и спокойным, безо всяких спазмов в животе, которые обычно мучили меня с утра часа по два. Я подошел к раковине, выжал пасту на колючую зубную щетку, какие нам выдавали, и бросил взгляд на волнистый металлический лист, служивший зеркалом.

Что-то изменилось.

Болячки от саркомы Капоши, уже год покрывающие мои щеки и вызывающие воспаление век, исчезли. Кожа была чистой, как вода в ручье.

Чтобы лучше рассмотреть лицо, я подался вперед. Открыв рот, потянул себя за нижнюю губу, тщетно выискивая волдыри и язвы, мешающие принимать пищу.

– Люций, – услышал я голос из вентиляционной решетки у себя над головой, – доброе утро.

Я поднял взгляд:

– Да, Шэй. Господи, оно и впрямь доброе!

В конечном счете мне не пришлось просить о медицинской консультации. Офицер Уитакер, потрясенный улучшением моего внешнего вида, сам вызвал Алму. Меня отвели в помещение, где встречается адвокат с клиентом, и Алма взяла у меня кровь на анализ. Час спустя она вернулась в мою камеру сообщить то, что я уже знал.

– У тебя лимфоциты в норме, – сказала Алма, – и вирусная нагрузка не определяется.

– Это хорошо?

– Это нормально. Такой анализ бывает у человека, не больного СПИДом. – Она покачала головой. – Похоже, твоя лекарственная терапия здорово подействовала...

– Алма... – позвал я, взглянул на Уитакера, стоявшего у нее за спиной, и быстро сдвинул простыню с матраса, открывая свой тайник с таблетками. – Несколько месяцев я не принимал лекарства.

Я высыпал медсестре в ладонь горсть таблеток. У женщины порозовели щеки.

– Но это невозможно.

– Это маловероятно, – поправил я. – Возможно все.

Она засунула таблетки в карман:

– Не сомневаюсь, этому есть медицинское объяснение...

– Это Шэй.

– Заключение Борн?

– Это сделал он, – сказал я, хорошо понимая, насколько дико это звучит, но отчаянно пытаюсь ей это внушить. – Я видел, как он оживил мертвую птичку. Как взял одну пластинку жвачки и сделал так, что хватило нам всем. В первый же вечер его пребывания здесь он превратил водопроводную воду в вино...

– Ладно-ладно. Офицер Уитакер, полагаю, нужна консультация психолога для...

– Я не свихнулся, Алма, я... ну, вылечился. – Я взял ее за руку. – Разве ты никогда не видела своими глазами то, что считала невозможным?

Она бросила взгляд на Кэллоуэя Риса, который уже целую неделю подчинялся ее лечебным процедурам.

– Он и это сделал тоже, – прошептал я. – Я-то знаю.

Алма вышла от меня и остановилась перед камерой Шэя, который в наушниках смотрел телевизор.

– Борн! – рявкнул Уитакер. – Наручники.

Он заковал запястья Шэя и открыл дверь его камеры. Алма встала перед Борном, скрестив на груди руки.

– Что тебе известно о состоянии здоровья заключенного Дефрена? – (Шэй не отвечал.) – Заключение Борн?

– Он не может подолгу спать, – тихо произнес Шэй. – Ему больно жевать.

– У него СПИД. Но этим утром неожиданно все изменилось, – сказала Алма. – И почему-то заключенный Дефрен считает, что ты имеешь к этому какое-то отношение.

– Я ничего не делал.

Алма повернулась к надзирателю:

– Вы видели что-то из этого?

– В водопроводе первого яруса были обнаружены следы алкоголя, – признался Уитакер. – Мы искали протечку, но не нашли ничего убедительного. Да, и я видел, как все они жевали жвачку. Мы дотошно обыскали камеру Борна, но так и не нашли контрабанды.

– Я ничего такого не делал, – повторил Борн. – Это все они. – Вдруг он с оживленным видом сделал шаг к Алме. – Вы пришли за моим сердцем?

– Что?

– Мое сердце. Я хочу пожертвовать его после смерти.

Я слышал, как Шэй роется в своей коробке с пожитками.

– Вот, – сказал он, протягивая Алме газетную вырезку. – Вот девочка, которой оно нужно. Люций записал мне ее имя.

– Я ничего не знаю об этой...

– Но вы раз узнаете, ладно? Поговорите с нужными людьми?

Алма замялась, а потом ее голос смягчился. Таким бархатным голосом она обычно обращалась ко мне, когда боль становилась нестерпимой.

– Поговорю, – сказала она.

Странная штука – смотреть телевизор и знать, что в действительности все происходит прямо за дверью. Парковку тюрьмы заполнила толпа. На лестнице у входа расположились люди в инвалидных креслах, пожилые женщины с ходунками, матери с прижатыми к груди младенцами. Были там и пары геев – в основном один из мужчин поддерживал слабого больного партнера; были и какие-то чокнутые с плакатами, демонстрирующими библейские изречения о конце света. Вдоль улицы, ведущей мимо кладбища в центр города, стояли микроавтобусы прессы – местные филиалы и даже команда канала «Фокс» из Бостона.

Как раз в этот момент репортер с канала Эй-би-си интервьюировал молодую мать, чей сын родился с серьезными неврологическими нарушениями. Она стояла рядом с мальчиком в инвалидном кресле, положив руку ему на лоб.

– Чего мне хотелось бы? – повторила она заданный ей вопрос. – Мне хотелось бы, чтобы он меня узнал. – Она чуть улыбнулась. – Не так уж много, да?

Репортер повернулся лицом к камере:

– Боб, до сих пор администрация не подтверждает и не отрицает того факта, что в тюрьме штата в Конкорде происходили какие-то чудеса. Однако неназванный источник сообщил нам, что эти явления вызваны желанием единственного в штате Нью-Гэмпшир смертника Шэя Борна пожертвовать свои органы после экзекуции.

Я опустил наушники на шею.

– Шэй, – позвал я, – ты смотришь репортаж?

– У нас появилась собственная знаменитость, – заметил Крэш.

Эта шумиха раздражала Шэя.

– Я такой, каким был всегда, – повысив голос, сказал он. – И таким останусь.

Как раз в это время появились два офицера, сопровождающие человека, которого нам редко доводилось видеть, – начальника тюрьмы Койна. Дородный мужчина со стрижкой «площадка», на которой можно было сервировать ужин, стоял напротив камеры, пока Шэй раздевался по приказу офицера Уитакера. После того как перетряхнули его тряпки, ему разрешили одеться, а потом приковали наручниками к стене напротив наших камер.

Надзиратели принялись обыскивать жилище Шэя, опрокидывая миску с недоеденной едой, выдергивая наушники из телевизора, переворачивая коробку с его имуществом. Они распорол матрас, скатали простыни, прощупали края раковины, унитаза, койки.

– Ты хоть представляешь, Борн, что сейчас творится снаружи? – спросил начальник, но Шэй стоял, наклонив голову к плечу, как делал дрозд Кэллоуэя, когда спал. – Объясни, что же ты пытаешься доказать?

Шэй безмолвствовал, и начальник устремился вдоль яруса.

– Ну а вы? – обратился он ко всем остальным. – Хочу лишь напомнить вам, что не стану наказывать тех, кто будет со мной сотрудничать. Остальным не могу ничего обещать.

Все молчали.

Начальник Койн повернулся к Шэю:

– Откуда у тебя жвачка?

– Там была только одна пластинка, – настучал Джои Кунц, – но хватило нам всем.

– Гм... ты что-то вроде мага, сынок? – спросил начальник, приблизив лицо к Шэю. – Или ты их загипнотизировал, заставив поверить, что они получили что-то, чего на самом деле не было? Я знаю, Борн, об управлении сознанием.

– Ничего такого я не делал, – промямлил Шэй.

Надзиратель Уитакер подошел ближе и доложил:

– Начальник Койн, в его камере ничего нет. Даже в матрасе нет. Его одеяло нетронуто – даже если он удил с помощью тесемок, то потом, закончив, сумел сплести их вместе.

Я уставился на Шэя. Конечно, он удил с помощью одеяла – я своими глазами видел сделанную им леску из нитей. Я сам отвязывал жвачку с плетеного голубого шнура.

– Борн, я слежу за тобой, – прошипел начальник, – я знаю, что ты замышляешь. Ты ведь понимаешь – черт побери! – что твое сердце станет ни на что не годным, когда в камере смерти его накачают хлоридом калия. Ты делаешь это, потому что у тебя не осталось права на апелляцию, но даже если тебя пригласила бы на передачу долбаная Барбара Уолтерс, то сочувствующие голоса не изменили бы дату казни.

Начальник удалился с нашего яруса. Надзиратель Уитакер отстегнул наручники Шэя от штанги, к которой тот был прикован, и отвел в камеру.

– Послушай, Борн... Я католик...

– Везет вам, – откликнулся Шэй.

– Я думал, католики против смертной казни, – вмешался Крэш.

– Ага, не делайте ему поблажек, – добавил Тексас.

Уитакер посмотрел в ту сторону, где за перегородкой из звуконепроницаемого стекла стоял начальник, разговаривая с другим офицером.

– Дело в том... если хочешь... я могу попросить прийти к тебе священника из церкви Святой Екатерины. – Он помолчал. – Может быть, он поможет что-то решить с сердцем.

Шэй внимательно посмотрел на него и спросил:

– Почему вы хотите сделать это для меня?

Офицер запустил руку себе под рубашку, извлекая цепочку с распятием. Он поднес крест к губам, а затем вновь убрал под одежду.

– «Верующий в Меня, – пробормотал Уитакер, – не в Меня верует, но в Пославшего Меня»⁴.

Я не знал Нового Завета, но узнал библейское изречение, услышав его. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Уитакер считал нелепые выходки Шэя – или как еще их можно назвать? – ниспосланными с небес. Я осознал тогда, что пусть даже Шэй заключенный, но он имеет над Уитакером определенную власть. Он имел власть над всеми нами. Шэй Борн сделал то, что все эти годы моего пребывания на ярусе было не под силу сделать никакой банде, – он сплотил нас.

За соседней дверью Шэй не спеша приводил свою камеру в порядок. Программа новостей заканчивалась очередным видом тюрьмы с высоты птичьего полета. С борта вертолета можно было увидеть, как много народа собралось и сколько еще направлялось к тюрьме.

Я уселся на койку и подумал: но это невозможно....

А потом вспомнил свои слова, сказанные Алме. *Это маловероятно. Возможно все.*

Я вытащил из тайника в матрасе свои художественные принадлежности, пролистывая зарисовки в поисках наброска с Шэем на каталке, когда его увозили после приступа. Я нарисовал его лежащим на каталке с распростертыми привязанными руками и ногами, с устремленными к потолку глазами. Когда я повернул рисунок на девяносто градусов, уже не казалось, что Шэй лежит. Теперь казалось, что он распят.

⁴ Ин. 12: 44.

В тюрьме люди всегда находят Иисуса. Что, если Он уже здесь?

Я не хочу достичь бессмертия через свои труды; я хочу достичь его путем неумирания.

Вуди Аллен, из книги Эрика Лакса «Быть смешным: Вуди Аллен и комедия»

Мэгги

Я испытывала благодарность в отношении многих вещей, включая и то, что я уже окончила старшую школу. Скажем, учиться там было не так-то просто для девушки, не влезавшей в одежду фирмы «Гэп» и пытавшейся стать невидимкой, чтобы люди не заметили ее габаритов. Теперь я проходила школу жизни, и минуло уже десять лет, но я по-прежнему испытывала внезапные панические атаки. Не имеет значения, что я носила деловой костюм бренда «Джонс Нью-Йорк», не имеет значения, что я была достаточно взрослой и меня иногда принимали за преподавателя. Я все еще ожидала, что в любой момент из-за угла появится какой-нибудь придурок и отпустит пошлую шутку по поводу моей фигуры.

Тофер Ренфрю, парень, сидевший рядом со мной в вестибюле старшей школы, был одет в черные джинсы и поношенную футболку с анархическим символом. На шее у него висела гитара на кожаном ремне. Весь его вид источал дух антиистеблишмента. Наушники от айпода свисали на футболку спереди наподобие докторского стетоскопа, и, читая решение, врученное ему в суде час назад, он шевелил губами.

– Ну и что означает вся эта фигня? – спросил он.

– Что ты выиграл, – объяснила я. – Если не хочешь произносить Клятву верности флагу, то не произноси.

– А как насчет Каршанка?

Его классный руководитель, ветеран корейской войны, оставлял Тофера после уроков каждый раз, как тот отказывался произносить клятву. Завязалась переписка между школой и моим офисом, вернее, мной, а потом в суде мы защищали гражданские свободы подростка.

Тофер вернул мне решение.

– Мило, – сказал он. – А есть шанс, что вы можете легализовать травку?

– Гм, это не в моей компетенции. Извини.

Я пожала Тоферу руку, поздравила его и вышла из школы.

День удался на славу. Я опустила стекла «тойоты», хотя на улице было холодно, и поставила записи Ареты Франклин на плеер.

В основном суды зарубали мои дела. Я тратила больше времени на борьбу, чем на получение ответной реакции. В качестве одного из трех адвокатов Союза защиты гражданских свобод в Нью-Гэмпшире я была поборником Первой поправки – свобода слова, свобода вероисповедания, свобода собраний. На бумаге это выглядело здорово, но означало, что в действительности я превратилась в эксперта по написанию писем. Я писала от лица тинейджеров, пожелавших носить в школе майки «Хутерс», писала от имени паренька-гея, захотевшего привести на студенческий бал своего бойфренда. Я писала о том, что следует призвать копов к ответу за ужесточение проверки водителей по расовому признаку, поскольку, по статистике, на дорогах чаще останавливают представителей национальных меньшинств, чем белых. Я проводила бесчисленные часы на всевозможных собраниях, ведя переговоры с местными агентствами, офисом генерального прокурора штата, полицейскими участками, школами. Я была для многих занозой в заднице, бельмом на глазу, их совестью.

Взяв сотовый, я набрала номер матери в ее спа-салоне.

– Знаешь что? – сказала я, когда она сняла трубку. – Я выиграла.

– Мэгги, это потрясающе! Я так тобой горжусь. – (У меня чуть екнуло сердце.) – Что ты выиграла?

– Мое дело! То, о котором я тебе рассказывала за обедом в прошлые выходные.

– То дело против колледжа общины, чьим талисманом был индеец?

– Коренной житель Америки. Вот и нет, – ответила я. – То дело я проиграла. Я говорю о деле с клятвой. И... – я выложила свой главный козырь, – думаю, сегодня меня покажут в новостях. В суде было полно камер.

Я услышала, как мама отбросила телефон, громко сообщая сотрудникам о знаменитой дочери. Усмехнувшись, я дала отбой, но сотовый зазвонил снова.

– Во что ты была одета? – спросила мама.

– В костюме «Джонс Нью-Йорк».

Моя мать помедлила.

– Не тот, в узкую полоску?

– К чему ты клонишь?

– Просто спрашиваю.

– Да, в узкую полоску, – подтвердила я. – А что с ним не так?

– Разве я сказала, что с ним что-то не так?

– Можно было и не говорить. – Я объехала притормаживающую машину. – Мне пора.

Я дала отбой, чувствуя, как щиплет глаза от слез.

Телефон зазвонил вновь.

– Твоя мама плачет, – сообщил отец.

– Ну, теперь нас двое. Почему она не может просто порадоваться за меня?

– Она радуется, детка. Она считает тебя чересчур требовательной.

– Я – чересчур требовательная?! Шутить?

– Спорим, мать Марсии Кларк спрашивала дочь, что та надела на суд над Симпсоном, – сказал отец.

– Спорим, мать Марсии Кларк не дарит дочери на Хануку видео с гимнастическими упражнениями.

– Спорим, мать Марсии Кларк ничего не дарит ей на Хануку, – со смехом произнес отец. – Если только рождественский чулок, набитый дисками с фильмом «Фирма».

Мои губы тронула легкая улыбка. В трубке на заднем плане послышались нарастающие крики младенца.

– Ты сейчас где?

– На обрезании, – ответил отец. – И я, пожалуй, пойду, потому что моэль косо на меня поглядывает. Уж поверь, не хочу его отвлекать перед процедурой. Перезвони мне позже, чтобы рассказать все подробности.

Я отключилась и бросила телефон на пассажирское сиденье. Мой отец, занимавшийся изучением еврейского законодательства, всегда хорошо умел различать полутона между черно-белыми буквами. Моя мать, с другой стороны, отличалась удивительным талантом испортить знаменательный день. Я въехала на подъездную дорожку и вошла в дом, где прямо за дверью меня встретил Оливер.

– Мне нужно выпить, – сказала я ему, и он поднял ухо, потому что, в конце концов, было всего лишь без четверти двенадцать.

Я сразу подошла к холодильнику. Вопреки тому, что, вероятно, представляла себе моя мать, там были лишь кетчуп, стручковый перец в банке, морковь для Олли и йогурт со сроком реализации со времен администрации Клинтона. Я налила себе бокал шардоне «Йеллоу Тэйл». Мне хотелось немного расслабиться, перед тем как я включу телевизор, когда мои пятнадцать минут славы будут, без сомнения, подпорчены костюмом в полоску, в котором моя и без того толстая задница покажется просто гигантской.

Мы с Оливером устроились на диване, как раз когда по комнате разнесся лейтмотив дневных новостей. В камеру улыбалась ведущая, женщина с гарнитурой на светлых волосах. За ее спиной было изображение американского флага с надписью: «НЕТ КЛЯТВЕ?»

– Среди главных новостей сегодня – дело, выигранное учащимся средней школы, который отказался произносить Клятву верности американскому флагу.

На экране появилось видео, снятое на ступенях здания суда, где мелькало мое лицо, в которое репортеры совали целую гроздь микрофонов.

Черт побери, я действительно выглядела толстой в этом костюме!

– В ошеломляющей победе, одержанной в борьбе за гражданские свободы личности... – начала я свою речь с экрана, но потом вдруг мое лицо закрыл ярко-синий баннер с надписью: «ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ».

Включилась прямая трансляция от здания тюрьмы штата, где разместился стихийно возникший палаточный городок и стояли люди с плакатами и... что это там – вереница инвалидов колясок?

Порыв ветра неистово разметал волосы журналистки.

– Меня зовут Джанис Ли, и я веду прямой репортаж из мужской тюрьмы штата Нью-Гэмпшир, расположенной в Конкорде. Это местопребывание человека, которого заключенные называют здесь мессией-смертником.

Я взяла Оливера и села по-турецки перед телевизором. За спиной журналистки были десятки людей, и я не знала, выставляют ли они пикеты или протестуют. Некоторые высывались из толпы: мужчина с двойным рекламным щитом с надписью: «ИОАНН 3: 16», мать, прижимающая к себе болезненного с виду ребенка, группка монахинь, молящихся с четками.

– Это продолжение нашего первого репортажа, – сказала журналистка, – в котором мы осветили необъяснимые события, произошедшие с того момента, как заключенный Шэй Борн, единственный смертник в Нью-Гэмпшире, выразил желание пожертвовать свои органы после казни. В наше время может найтись научное доказательство того, что эти события не являются чудесами... и что-то еще.

На экране появилось лицо офицера в форме тюремного надзирателя. Рик Уитакер – следовало из надписи внизу экрана.

– Первый случай произошел с водопроводной водой, – сказал он. – Однажды вечером, во время моего дежурства, заключенные опьянели, и действительно, мы обнаружили в трубах остатки алкоголя, хотя тестирование источника воды ничего не выявило. Некоторые упоминали о птице, которую оживили, хотя я сам не был тому свидетелем. Но должен сказать, самые удивительные изменения произошли с заключенным Дефреном.

Снова заговорила журналистка:

– Согласно источникам информации, заключенный Люций Дефрен, ВИЧ-пациент на последней стадии заболевания, чудесным образом исцелился. Сегодня в вечернем репортаже мы поговорим с врачами Медицинского центра Дартмут-Хичкок о возможности научного объяснения феномена... Но для вновь обращенных поборников этого мессии-смертника, – заявила журналистка, указывая на лагерь позади себя, – возможно все. Это был репортаж Джанис Ли из Конкорда.

В толпе людей за ее спиной я заметила знакомое лицо – Диди, массажистку из спа-салона, делавшую мне обертывание. Я вспомнила, что пообещала ей посмотреть дело Шэя Борна.

Достав телефон, я набрала номер своего босса в офисе:

– Вы видели новости?

У Руфуса Уркхарта, главы Союза защиты гражданских свобод в Нью-Гэмпшире, на рабочем столе стояли два телевизора, показывающие разные каналы, чтобы он ничего не пропустил.

– Да, – сказал он. – Я полагал, покажут вас.

– Меня прервали ради мессии-смертника.

– С Божественным не поспоришь, – пошутил Руфус.

– Это точно, и я хочу выступить от его лица.

– Проснитесь, солнышко, вы и так это делаете. По крайней мере, должны были составлять экспертные заключения, – сказал Руфус.

– Нет, я имею в виду, что хочу взять его в качестве клиента. Дайте мне неделю, – попросила я.

– Послушайте, Мэгги, этот парень уже прошел через суд штата, первый круг федерального суда и Верховный суд. Если я правильно помню, в прошлом году все закончилось: Верховный суд отклонил его прошение. Борн исчерпал свои апелляции. Не представляю, как можно приоткрыть эту дверь.

– Если он считает себя мессией, – сказала я, – значит снабдил нас рычагом.

Федеральный закон о защите свободы вероисповедания узников, принятый в 2000 году, фактически вступил в силу пять лет спустя, когда Верховный суд одобрил решение по одному делу, в котором группа заключенных из Огайо, сатанистов, возбудила дело в суде штата о неудовлетворении их религиозных нужд. Коль скоро тюрьма гарантирует право исповедовать религию, не принуждая тех, кто не желает ее исповедовать, этот закон является конституционным.

– Сатанисты? – переспросила мама, положив нож и вилку. – Так этот парень из них?

Я была в доме родителей на обеде, как обычно, вечером в пятницу, после чего они шли на службу Шаббат. Моя мать обычно говорила о приглашении еще в понедельник, и я отвечала ей, что надо подождать и посмотреть, не случится ли чего – типа свидания или Армагеддона, которые могли произойти в моей жизни с одинаковой вероятностью. Но разумеется, в пятницу я оказывалась за обеденным столом, передавая соседу жареный картофель и слушая, как отец совершает кидуш, освящая вино.

– Понятия не имею, – ответила я на вопрос матери. – Я его никогда не видела.

– Значит, у сатанистов есть мессии? – спросил отец.

– Вы оба упускаете суть. Существует закон, устанавливающий право заключенных исповедовать свою религию, если только это не мешает функционированию тюрьмы. И потом... – я пожала плечами, – а если он действительно мессия? Разве мы не несем морального обязательства спасти его жизнь, раз он пришел, чтобы спасти мир?

Отец отрезал себе кусок грудинки.

– Он не мессия.

– И ты уверен в этом, потому что...

– Он не воитель. Он не поддерживал суверенное Государство Израиль. Он не возвещал миру о мире. Ну, допустим, он вернул кого-то к жизни, но будь он мессией, то воскресил бы всех. И в таком случае здесь сейчас сидели бы твои бабушки и дедушки, прося добавку подливки.

– Есть разница между иудейским мессией, папа, и... ну, другим.

– И это наводит тебя на мысль, что их может быть больше одного? – спросил он.

– Почему ты думаешь, что не может? – парировала я.

Мама отложила салфетку.

– Пойду приму тайленол, – вставая из-за стола, сказала она.

Отец улыбнулся мне:

– Из тебя, Мэг, получился бы замечательный раввин.

– Угу, если бы только не этот досадный пункт с религией, которая всегда мешает.

Разумеется, меня воспитывали в еврейском духе. Я, бывало, просиживала ночные пятничные службы, слушая возносящийся вверх сочный голос кантора; я смотрела, как отец благоговейно несет Тору, и это напоминало мне, как он выглядел на фотографиях, где держит меня, совсем маленькую, на руках. Но по временам мне становилось так скучно, что я с трудом вспоминала, кто кого породил в Книге Чисел. Чем больше я узнавала об иудейских законах,

тем больше, как девушка, ощущала себя или нечистой, или ограниченной, или ушибной. У меня была своя бат-мицва, как хотели родители, но в тот день, когда я читала Тору и праздновала свое взросление, я объявила родителям, что никогда больше не пойду в синагогу.

– Почему? – спросил тогда мой отец.

– Потому что я не думаю, будто Богу есть дело до того, просиживаю ли я здесь ночами каждую пятницу. Потому что я не покупаюсь на религию, основанную на том, чего не следует делать, вместо того, что должно делать во имя всеобщего блага. Потому что я не знаю, во что верю.

У меня не хватило смелости сказать ему правду: что я гораздо ближе к атеисту, чем к агностик, что я вообще сомневаюсь в существовании Бога. В сфере моей деятельности я видела столько несправедливости, что не поверю в сказку о том, что милосердное могущественное Божество будет по-прежнему позволять совершаться подобным злодеяниям, и я совершенно не приемлю мысли о том, что многотрудное существование человечества якобы предначертано свыше. Это как если бы мать наблюдала за своими детьми, играющими с огнем, и думала: «Ну ладно, пусть обожгутся. Это их научит».

Как-то, еще в старшей школе, я спросила отца о религиях, которые по прошествии времени считались ложными. Греки и римляне, со всеми их богами, полагали, что приносят жертвы и молятся в храмах, чтобы снискать милость своих божеств, но в наше время верующие люди посмеялись бы над этим.

– Откуда ты знаешь, – спросила я у отца, – что через пятьсот лет какие-нибудь пришельцы высшей расы, перебирая артефакты твоей Торы, распятия например, не станут удивляться вашей наивности?

Отец сразу отреагировал на эту спорную ситуацию словами:

– Давай подумаем, – но на некоторое время умолк. – Потому что, – наконец сказал он, – религия, основанная на лжи, не может просуществовать две тысячи лет.

Вот мое мнение на этот счет: религии не основаны на лжи, но они не основаны и на правде. Мне кажется, они возникают из-за потребностей людей в определенный период времени. Вроде того как игрок Мировой серии не желает снять «счастливые» носки, а мать больного ребенка верит, что он заснет, только если она посидит у его кровати. По определению верующим надо во что-то верить.

– Итак, какой у тебя план? – возвращая меня к теме разговора, спросил отец.

Я подняла взгляд:

– Хочу его спасти.

– Может быть, ты и есть мессия, – задумчиво произнес он.

Мама снова села за стол, забросила в рот две пилюли и проглотила, не запивая.

– Что, если он затеял всю эту чехарду, чтобы вдруг появился кто-то вроде тебя и спас его от казни?

Что ж, я это предвидела.

– Не имеет значения, если все это уловка, – сказала я. – Если я смогу подсунуть его дело суду, это станет ударом по смертной казни.

Я представила, что у меня берет интервью Стоун Филлипс и приглашает на ужин после выключения камер.

– Обещай, что не станешь одним из тех адвокатов, которые влюбляются в преступников и выходят за них в тюрьме...

– Мама!

– Ну, такое случается, Мэгги. Уголовники очень настырные.

– И ты знаешь об этом, потому что ты лично много времени провела в тюрьме?

– Я просто говорю, – всплеснула она руками.

– Рейчел, по-моему, у Мэгги все под контролем, – заметил отец. – Почему ты не годишься к выходу?

Мать принялась убирать тарелки, и я пошла вслед за ней на кухню. Мы занялись привычной работой: я загружала посуду в машину и ополаскивала большие блюда, она вытирала их.

– Я закончу, – сказала я, как делала это каждую неделю. – Ты ведь не хочешь опоздать на службу?

– Они не начнут без твоего отца, – пожала она плечами.

Я передала ей мокрую сервировочную миску, но мама поставила ее на столешницу и принялась рассматривать мою руку.

– Мэгги, взгляни на свои ногти.

Я отдернула ладонь:

– У меня есть дела поважнее стрижки ногтей, мама.

– Речь не о маникюре, – возразила она, – а о том, что хотя бы сорок пять минут в день посвящать себе любимой.

Так всегда с моей мамой – только я подумаю, что готова убить ее, как она скажет что-нибудь такое, от чего мне хочется расплакаться. Я пыталась сжать кулаки, но она переплела свои пальцы с моими.

– Приходи в спа на следующей неделе. Мы отлично проведем время вдвоем.

На язык просилось с десятков ответов: «Некоторым нужно зарабатывать себе на жизнь. Вдвоем не получится отлично провести время. Я, может быть, и обжора, но не любительница наказаний». Вместо этого я кивнула, хотя мы обе знали, что я не жажду приходить.

Когда я была маленькой, мама специально для меня устраивала спа-дни на кухне. Она изобретала из папайи и бананов кондиционеры для волос, она втирала мне в кожу плеч и рук кокосовое масло, она клала мне на веки кружочки огурцов и напевала песни Сонни и Шер. Потом она подносила к моему лицу зеркальце. «Взгляни на мою красивую девочку», – говорила она, и я долгое время ей верила.

– Поедем с нами, – позвала мама. – Только сегодня. Ты доставишь отцу море радости.

– Может быть, в следующий раз, – ответила я.

Я проводила их до машины. Отец включил зажигание и опустил стекло.

– Знаешь, – сказал он, – когда я учился в колледже, около входа в метро часто околачивался какой-то бездомный парень. У него была ручная мышь, которая сидела у него на плече и покусывала его за воротник пальто, и он никогда не снимал это пальто, даже когда на улице зашкаливало за тридцать градусов. Он знал наизусть всю первую главу «Моби Дика». Проходя мимо, я всегда давал ему четвертак.

Просигналив, нас обогнал соседский автомобиль – кто-то из общины приветствовал моих родителей.

Отец улыбнулся:

– Слово «мессия» взято не из Нового Завета, это просто перевод на иврит слова «помазанник». Это не спаситель, а царь или священник, имеющий особую цель. А вот в Мидраше часто упоминается Мошиах, то есть Спаситель, и всякий раз Он выглядит по-новому. Иногда Он воин, иногда политик, иногда обладает сверхъестественными способностями. А иногда одет как бродяга. Причина, почему я давал этому бездомному четвертак, – сказал отец, – в том, что никогда не знаешь наверняка.

Он переключился на задний ход и выехал с подъездной дорожки. Я проводила машину взглядом и отправилась домой, ведь больше мне сегодня ничего не оставалось.

Майкл

На входе в тюрьму у тебя отбирают все, что делает тебя тобой. Ботинки, ремень, бумажник, часы, образец с изображением твоего святого. Мелочь из карманов, сотовый, даже распятие, приколотое булавкой к отвороту. Отдаешь водительское удостоверение надзирателю и становишься одним из безликих людей, вошедших в тот дом, который не разрешается покидать его обитателям.

– Отец, вы в порядке? – обратился ко мне офицер.

Я выдавил из себя улыбку и кивнул, представляя себе увиденное им: большой плотный парень, трясущийся при мысли о том, что придется войти в эту тюрьму. Конечно, я ездил на мотоцикле «триумф-трофи», работал волонтером с бандой несовершеннолетних, при любой возможности разрушая стереотип священника, но в этой тюрьме сидел человек, за смерть которого я в свое время проголосовал.

И все же.

С тех самых пор, как я принял сан и попросил Бога помочь мне возместить то, что я совершил с одним человеком, тем, что смогу сделать для других, я был уверен, что однажды это случится. Я лицом к лицу столкнулся с Шэем Борном.

Узнает ли он меня?

Узнаю ли его я?

Затаив дыхание, я прошел через металлоискатель, словно мне было что скрывать. Наверное, было, но мои тайны не включили бы эти сигналы тревоги. Я принялся вставлять ремень в шлевки на брюках, завязал шнурки на кроссовках. Руки у меня все еще дрожали.

– Отец Майкл?

Подняв взгляд, я увидел другого офицера.

– Вас ожидает начальник тюрьмы Койн, – сказал он.

– Хорошо.

Вслед за ним я пошел по унылым серым коридорам. Когда мы проходили мимо заключенных, офицер поворачивался кругом, становясь между нами, как своего рода щит.

Меня привели в административный корпус с окнами на внутренний двор тюрьмы. Заключенные семенили гуськом от одного здания к другому. Позади них виднелось двойное ограждение с колючей проволокой поверху.

– Отец, – коренастый седой мужчина пожал мне руку с гримасой, видимо изображающей улыбку, – я начальник тюрьмы Койн. Рад познакомиться.

Он отвел меня в свой кабинет, на удивление современное просторное помещение. Но там стоял не письменный, а длинный стальной стол, почти пустой, с разбросанными по нему папками и бумагами. Едва усевшись, Койн развернул пластинку жвачки.

– «Никоретте», – объяснил он. – Жена заставляет меня бросить курить, и, признаюсь, я бы лучше отдал на отсечение левую руку. – Он открыл папку с номером на корешке; здесь Шэя Борна лишили также и его имени. – Я очень признателен вам, что пришли. Нам сейчас не хватает капелланов.

При тюрьме состоял один штатный капеллан, епископальный священник, недавно улетевший в Австралию к умирающему отцу. А это означало, что если бы заключенный пожелал поговорить с духовником, то позвали бы кого-нибудь из местных.

– Рад помочь, – солгал я, мысленно наметив молитву, которую позже прочту в качестве покаяния.

Он пододвинул ко мне папку:

– Шэй Борн. Вы его знаете?

Я замялся:

– Кто ж его не знает?

– Угу, освещение событий хреновое, простите мой французский. Не стоило привлекать к нам столько внимания. Резюме таково, что данный заключенный хочет пожертвовать свои органы после экзекуции.

– Католики одобряют пожертвование органов, если у пациента наступила смерть мозга и он не может дышать самостоятельно, – сказал я.

Очевидно, ответ был неправильным. Нахмурившись, Койн взял со стола салфетку и выплюнул в нее жвачку.

– Угу, отлично, я понял. Это в теории. Но реальная ситуация такова, что этому парню осталось совсем немного. Он совершил двойное убийство. Думаете, в нем вдруг пробудилось человеколюбие? Или более вероятно, что он пытается вызвать общественное сочувствие и отменить эту казнь?

– Может быть, он просто хочет, чтобы из его смерти вышло что-нибудь хорошее?

– Смертельная инъекция имеет целью остановить сердце заключенного, – без выражения произнес Койн.

В этом году я помог одной прихожанке, которая приняла решение пожертвовать органы своего сына после аварии на мотоцикле, когда у него наступила смерть мозга. Как объяснил врач, смерть мозга отличается от коронарной смерти. Ее сын безвозвратно ушел – он не мог поправиться, как иногда люди в коме, – но благодаря аппарату искусственного дыхания его сердце продолжало биться. В случае коронарной смерти органы непригодны для трансплантации.

Я откинулся на стуле:

– Начальник Койн, у меня было впечатление, что заключенный Борн попросил себе духовного наставника...

– Так и есть. И мы бы хотели, чтобы вы отговорили его от этой безумной идеи, – вздохнул тюремщик. – Послушайте, я понимаю, как это должно звучать для вас. Но штат намерен казнить Борна. Это факт. Либо из этого получится спектакль, либо все будет сделано достойно. – Он пристально посмотрел на меня. – Я понятно объяснил, что от вас требуется?

– Абсолютно, – тихо произнес я.

Однажды я согласился, чтобы меня направляли другие, поскольку полагал, что они знают больше. Для того чтобы убедить меня, что отплатить смертью за смерть справедливо, Джим, другой присяжный, привел выражение «око за око» из Нагорной проповеди Иисуса. Но теперь я понимал, что на самом деле Иисус говорил противоположное, критикуя тех, кто допускает, чтобы наказание отягчало преступление.

Я никоим образом не собирался позволить начальнику тюрьмы Койну учить меня, как наставлять Шэя Борна.

В этот момент я понял: если Борн меня не узнает, я не стану говорить ему, что мы раньше встречались. И дело было не в моем спасении, а в его. Даже если я когда-то помог загубить его жизнь, то теперь – на правах священника – моей задачей было поддержать его.

– Мне бы хотелось увидеться с мистером Борном, – сказал я.

– Я так и предполагал, – кивнул тюремщик.

Поднявшись, он повел меня назад через административный корпус. Повернув, мы подошли к пункту контроля с двойными зарешеченными дверями. Начальник взмахнул рукой, и находящийся внутри офицер отпер первую стальную дверь – она открылась, издав жуткий металлический лязг. Мы шагнули в тамбур, и та же дверь автоматически закрылась.

Так вот каково это – чувствовать себя взаперти.

Я уже начал немного паниковать, когда внутренняя дверь со скрежетом открылась и мы двинулись вдоль очередного коридора.

– Вы никогда здесь не были? – спросил начальник тюрьмы.

– Нет.

– Привыкнете.

Я окинул взглядом шлакоблочные стены, ржавые помосты и усмехнулся:

– Сомневаюсь.

Мы вошли в дверь с надписью: «ЯРУС I».

– Здесь содержатся самые отъявленные преступники, – сказал Койн. – Не ручаюсь за их хорошее поведение.

В центре служебного помещения находился пульт управления. Молодой офицер сидел перед телемонитором, на экранах которого появлялись панорамные изображения внутренней части галереи. Стояла тишина, или, быть может, дверь была звуконепроницаемой. Я подошел к ней и, приоткрыв, осмотрел ярус. Ближайшей ко мне была пустая душевая, за ней находились восемь камер. Я не видел лица мужчин и не знал, который из них Шэй.

– Это отец Майкл, – сказал начальник тюрьмы. – Он пришел поговорить с заключенным Борном.

Койн вручил мне бронежилет и защитные очки, словно я собирался на войну, а не в камеру смертника.

– Нельзя входить туда без надлежащего снаряжения, – предупредил он.

– Входить?

– Где, по-вашему, отец, вы встретитесь с Борном? В кафе «Старбакс»?

Я предполагал, что для этого есть какое-то специальное помещение. Или часовня.

– Мы останемся с ним наедине? В камере?

– Нет, черт возьми! – ответил Койн. – Вы будете стоять на галерее и разговаривать с ним через дверь.

Переведя дух, я набросил бронежилет поверх моего одеяния и приладил очки на лицо. Сотворив краткую молитву, кивнул.

– Открывай! – велел Койн молодому офицеру.

– Да, сэр, – ответил парень, явно волнуясь в присутствии начальника.

Он взглянул на панель управления перед собой, пестрящую мириадами лампочек и клавишей, и нажал на кнопку слева от себя, но в последний момент понял, что выбрал не ту. Моментально открылись двери всех восьми камер.

– О господи! – вытаращив глаза, охнул парень, а начальник тюрьмы оттолкнул меня в сторону, принявшись нажимать рычаги и клавиши на панели управления.

– Уберите его отсюда! – рявкнул Койн, мотнув головой в мою сторону.

В динамиках зазвучал его голос: «На первом ярусе освободились несколько человек. Требуется немедленная помощь офицерского состава».

Я стоял прикованный к месту, пока из камер, как яд, просачивались заключенные. А потом... ну, начался настоящий ад.

Люций

Когда все двери открылись одновременно, словно от первого прикосновения смычка все струны настраиваемого оркестра волшебным образом издали правильную ноту, я, в отличие от остальных, не выбежал из камеры, а на миг остановился, парализованный свободой.

Я быстро засунул свою картину под матрас и спрятал чернила в кипу грязного белья. В динамиках звучал голос начальника тюрьмы Койна, вызывающего по рации подкрепление. За все мое пребывание в тюрьме такое случилось только однажды, когда облажался новый офицер и одновременно открылись две камеры. Случайно освобожденный заключенный бросился в камеру соседа и разбил его череп о раковину – месть банды, много лет ожидавшая своего часа.

Первым вырвался Крэш. Он промчался мимо моей камеры, сжимая в кулаке самодельный нож, прямиком к Джои Кунцу – растлителю малолетних, «любимому коньку» всех и каждого. За ним по пятам, как псы, которыми они и являлись, следовали Поджи и Тексас.

– Хватайте его, парни! – выкрикнул Крэш. – Оттяпаем сразу эту штуку.

Джои, зажатый в угол, в ужасе закричал:

– Ради бога, помогите кто-нибудь!

Послышались звуки ударов кулака по телу, Кэллоуэй в сердцах чертыхался. К этому моменту он тоже был в камере Джои.

– Люций?

Я услышал приглушенный голос, словно идущий из-под воды, и вспомнил, что Джои не единственный, кто причинил вред ребенку. Если Джои был первой жертвой Крэша, Шэй вполне может стать второй.

За стенами тюрьмы были люди, которые молились за Шэя. По телевизору выступали знатоки религии, предрекавшие ад и проклятие тем, кто поклоняется ложному мессии. Я не знал, кто такой Шэй, но я на сто процентов был обязан ему своим здоровьем. В нем было нечто такое, что никак не увязывалось с окружающим, заставляя тебя остановиться и взглянуть еще раз, словно наткнулся на орхидею, растущую в гетто.

– Оставайся на месте! – крикнул я. – Шэй, ты меня слышишь?

Но он не ответил. Я, дрожа, стоял на пороге своей камеры и вглядывался в ту невидимую черту между «здесь» и «сейчас», «нет» и «да», «если» и «когда». Глубоко вздохнув, я шагнул наружу.

Шэя на месте не оказалось, он медленно шел в сторону камеры Джои. Через дверь, ведущую на наш ярус, я разглядел, как офицеры надевают бронежилеты и защитные маски, берут щиты. Там был кто-то еще – священник, которого я прежде не видел.

Я потянулся к руке Шэя, чтобы остановить его, и, ощутив слабое тепло, едва не упал на колени. Здесь, в тюрьме, мы не прикасались друг к другу и к нам никто не прикасался. Но Шэя я долго не отпускал бы, держась за безобидный сгиб его локтя.

Однако он обернулся, и я вспомнил первое неписаное правило для заключенных: нельзя нарушать личное пространство другого. Я отпустил его руку.

– Все нормально, – тихо произнес Шэй, сделав следующий шаг к камере Джои.

Тот, рыдая, лежал распластанный на полу со спущенными штанами. Голова была повернута набок, из разбитого носа текла кровь. Поджи держал его за одну руку, Тексас за другую, Кэллоуэй прижимал к полу его ноги. Отсюда им не было видно надзирателей, вызванных для умиротворения заключенных.

– Слышал об организации «Спасем детей»? – спросил Крэш, размахивая самодельным лезвием. – Я пришел принести жертвоприношение.

И в этот момент Шэй чихнул.

– Бог тебя храни! – автоматически произнес Крэш.

– Спасибо. – Шэй вытер нос рукавом.

От этого вмешательства Крэш немного поостыл. Он наконец заметил вооруженных людей по ту сторону двери, выкрикивающих команды, которые мы не могли слышать. Качнувшись на пятках, Крэш внимательно оглядел Джои, дрожащего на цементном полу, и сказал:

– Отпустите его.

– Отпустить?.. – переспросил Кэллоуэй.

– Ты слышал меня. Все. Идите к себе.

Поджи и Техас послушались. Они всегда делали то, что велел им Крэш. Кэллоуэй помедлил.

– Мы тут не закончили одно дельце, – припугнул он Джои, но все же ушел.

– Какого дьявола ты ждешь?! – крикнул мне Крэш, и я поторопился в свою камеру, совершенно забывая о благополучии других в угоду собственному.

Не знаю, что именно повлияло на изменение плана Крэша – опасение, что офицеры ворвутся на ярус и накажут его, своевременный чих Шэя или молитва – «Бог тебя храни» – на устах такого грешника, как он сам. Но к тому моменту, когда минуту спустя появился отряд спецподразделения, все семеро сидели в своих камерах, как ангелочки, которым нечего скрывать, несмотря на то что двери были по-прежнему широко распахнуты.

На прогулочном дворе можно увидеть цветок. Ну, не совсем увидеть – мне приходится зацепиться пальцами за выступ единственного окна и по-паучьи вскарабкаться по цементной стене, и тогда я мельком вижу его, а потом срываюсь вниз. Это одуванчик, который считают сорняком, но его можно класть в салат или суп. Корень можно перемолоть и использовать на замену кофе. Его сок помогает избавиться от бородавок или применяется как репеллент против насекомых. Я узнал все это из одного журнала, в который заворачиваю свои сокровища: самодельный нож, ватные палочки, крошечные бутылочки из-под «Визина», где я храню самодельные чернила. Я читаю статью об одуванчиках всякий раз, как проверяю свои запасы, то есть ежедневно. Тайник я прячу за неплотно прилегающим блоком из шлакобетона, под койкой, замазывая щель зубной пастой, чтобы надзиратели во время обыска ничего не заподозрили.

Я никогда не задумывался об этом в прежней жизни, но теперь жалею, что мало знаю о садоводстве. Жалею, что совсем не интересовался выращиванием растений. Черт, может, сейчас сумел бы вырастить арбуз из рассады. Может, у меня отовсюду свисали бы виноградные лозы. В нашем доме этим занимался Адам. Иногда я заставал его на рассвете в саду, где он копался в земле среди наших лилейников и седумов.

«Сорняки унаследуют землю», – говорил он.

«Кроткие, – поправлял я его. – Кроткие наследуют землю».

«Не получится, – смеялся Адам. – Сорняки вылезут прямо рядом с ними».

Он, бывало, говорил, что если сорвать одуванчик, то на его месте вырастут два. По моему, это ботанический эквивалент людей в тюрьме. Убери одного из нас с улицы, и на его месте появятся два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.